

ШЭН КЭИ

**СЕСТРИЧКИ
С СЕВЕРА**

Шэн Кэи
Сестрички с Севера

«Гиперион»

Кэи Ш.

Сестрички с Севера / Ш. Кэи — «Гиперион»,

ISBN 978-5-89332-248-4

Юную Цянь Сяохун природа наделила необычайно пышными формами, и эта особенность становится источником неприятностей, когда Цянь Сяохун и ее подруга Ли Сыцзян приезжают из деревушки в провинции Хунань на Юг в Шэньчжэнь в надежде покорить переливающийся огнями город, в котором, как они фантазируют, бродят толпы достойных мужчин. Но что на самом деле ждет двух «сестричек с Севера», читатель узнает, прочитав эту книгу до конца. Роман заслужил благосклонные отзывы критиков, многие из которых отметили оригинальный авторский стиль. В 2012 году роман «Сестрички с Севера» был издан на английском языке и попал в лонг-лист престижной премии «Азиатский букер» (The Man Asian Literary Prize). На русском языке печатается впервые. Для читателей старше 18 лет. Книга адресована всем, кто так или иначе заинтересован в законном улучшении своих жилищных условий.

ISBN 978-5-89332-248-4

© Кэи Ш.
© Гиперион

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Часть вторая	19
Часть третья	36
Часть четвертая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Systers

Предисловие

Молодая китайская писательница Шэн Кэи родилась в 1973 году в провинции Хунань. В настоящее время, после нескольких лет, проведенных на юге страны, живет и работает в Пекине. В своих произведениях она затрагивает вопросы, волнующие ее современников, в частности, в романе «Сестрички с Севера» нашла свой отклик тема трудовой миграции. Произведение было написано в 2002-м, а опубликовано в 2004 году.

Действие романа разворачивается в конце 1990-х годов, когда на волне экономических перемен молодые люди толпами ринулись из деревень в города в поисках лучшей жизни, однако далеко не всегда там их встречали с распростертыми объятиями. Процесс урбанизации значительно изменил устои жизни китайского общества в целом. Особенно привлекательным мигрантам казался город на юге Китая Шэньчжэнь. Начало его бурному развитию положил в 1979 году тогдашний руководитель КНР Дэн Сяопин, избрав Шэньчжэнь в качестве месторасположения одной из особых экономических зон в рамках нового курса рыночных реформ. Как признается сама писательница в ряде интервью, в основу романа лег и ее личный опыт, поскольку она в юности тоже отправилась на юг в надежде подзаработать и столкнулась со многими из тех трудностей, с которыми сталкиваются героини ее произведения, те самые «сестрички с севера». Именно так называли южане трудовых мигранток, приехавших к ним из северных провинций Китая.

Главная героиня, шестнадцатилетняя Цянь Сяохун, решает сбежать из сонной хунаньской деревеньки в Шэньчжэнь, подальше от семейного скандала, виновницей которого она стала, прельстившись блеском и мишурой большого города. Девушка надеется, что новая жизнь станет для нее глотком свежего воздуха по сравнению с затхлыми традициями сельского общества. Однако вскоре оказывается, что побег сопряжен с большими опасностями и трудностями, которые придется преодолевать, стараясь не переступить через собственные принципы. На протяжении практически всего путешествия ее сопровождает землячка Ли Сыцзян, чистая и наивная девушка, совсем еще юная, однако и ей предстоит закалиться в боях за место под солнцем.

Помимо актуальных проблем трудовой миграции и положения женщины в современном обществе автор касается также политики ограничения рождаемости, которую власти начали проводить в конце 70-х годов прошлого столетия. Действие книги отчасти происходит в стенах больницы матери и ребенка, однако основная задача врачей не столько акушерство, сколько хирургия, поскольку аборты и стерилизации (в том числе и насильственные) поставлены на поток.

Книга заслужила благосклонные отзывы критиков, многие из них отметили нетривиальный взгляд писательницы на тему и оригинальный стиль изложения. В 2012 году роман «Сестрички с Севера» был издан на английском языке и попал в лонг-лист престижной премии «Азиатский букер» (The Man Asian Literary Prize), которая присуждается за лучшее произведение азиатского писателя, переведенное на английский язык.

Часть первая

КОВАРСТВО У ВОСТОЧНОГО ОКНА¹

1

Вот она, Цянь Сяохун, родом из провинции Хунань.

Рост метр пятьдесят пять, короткие, чуть волнистые волосы, круглое лицо – с виду в общем-то простая девушка из добропорядочной семьи, из тех, что выходят замуж, довольствуются своей участью, рожают и растят детей. Жаль только, у Цянь Сяохун чересчур большая грудь, пусть даже и не по ее желанию, но все равно слишком уж ее бюст выдается вперед, и судачат о нем так же часто, как распускают сплетни перед воротами вдов.

Ну, честно-то сказать, грудь у Цянь Сяохун роскошная! Даже через одежду ощущается вся ее прелесть, руками потрогать, наверное, просто экстаз, даже тайком поглядеть, и то глаз радуется. Проблема в том, что, когда существуешь в коллективе, нужно быть таким, как все, если ты выделяешься из общей массы, то с тобой что-то не так. А вот формы Цянь Сяохун слишком уж привлекали внимание.

Мать Цянь Сяохун рано умерла от цирроза печени. Сплетники провели целое расследование и выяснили, что у матери девушки грудь была невыдающейся, так что бюст достался Цянь Сяохун не по наследству. Выросла же она, прильнув к груди бабушки.

Бабушка полвека вдовствовала, умерла в возрасте восьмидесяти лет и была единственным человеком, кто знал секрет фигуры внучки. Но до самой смерти она не проронила по этому поводу ни звука и унесла отгадку в могилу.

На следующий год после смерти бабушки Цянь Сяохун исполнилось шестнадцать. Начиная с пятого класса в нее тыкали пальцами, брызгали слюной и кружили вокруг, словно мухи. Порядочные деревенские девушки ходили сгорбившись, носили свободную одежду, скромно прятали грудь и, если посмотреть спереди, не производили развратного впечатления, и только Цянь Сяохун выпячивала два своих горных пика и безжалостно перла вперед, словно темная туча над деревней. пышная грудь – подарок небес, но надо сказать, что, чтобы носить такой подарок с гордостью, нужна определенная смелость.

Цянь Сяохун созрела еще в тринадцать, учебой не интересовалась, перестала учиться сразу же по окончании неполной средней школы² и праздно шаталась по деревне.

Разговаривала она очень кокетливо. Отец навещался домой раз в десять дней, а то и в две недели, и тогда Цянь Сяохун забиралась к отцу на колени и ластилась, прижимаясь щекой к его щеке. От такого проявления чувств между ними окружающим становилось неловко. Отец работал подрядчиком и, когда дела пошли в гору, возвел двухэтажный дом со всеми удобствами, причем обустроил и снаружи, и внутри даже моднее, чем в городе. Цянь Сяохун выбрала себе комнату наверху, откуда на улицу вела отдельная лестница. Некоторые молодые люди, увидев, что в семье Цянь Сяохун водятся деньги, захотели с ней встречаться. Поговаривали, что Цянь Сяохун начала крутить шашни с младшей школы, сначала со старшеклассниками, а потом и с парнями постарше. Якобы она водила мужчин к себе домой и баловалась с ними кое-чем и на кровати всегда виднелись влажные следы. Летом она вступала с мужчи-

¹ Выражение употребляется образно в значении «тайное злодейство стало явным». По легенде, Цинь Гуй, глава правительственной клики при династии Южная Сун, сговорившись с женой у восточного окна своего дома, погубил Юэ Фэя, возглавлявшего сопротивление вторжению чжурчжэней, однако, несмотря на все предпринятые меры, о злодеянии стало известно. – Здесь и далее примеч. перев.

² Имеется в виду средняя ступень средней школы, в которой обучаются дети с 12 до 14 лет.

нами в связь, наслаждаясь ночной прохладой, а еще занималась «этим» чуть ли не прилюдно, в бетонной трубе на электростанции. Так или иначе, а репутация у нее была беспутной девки. А еще говорили, что к ее соскам нельзя прикасаться, они срабатывают как электрический рубильник – немедленно ударяют током и того, кто прикоснулся, и саму девушку.

У Цянь Сяохун была сестра, старше ее на восемь лет. В десять Цянь Сяохун жила в одной комнате с сестрой и бабушкой и спала с сестрой на одной кровати. Когда у сестры появился жених, она решила, что Цянь Сяохун еще несмышленная, и по вечерам они втроем потихоньку забирались в одну постель. У Цянь Сяохун с мужем сестры сложились неплохие отношения, причем взаимные.

Некоторым деревенским сплетням нельзя верить, но все были уверены в том, какие именно отношения связывали Цянь Сяохун и зятя. Все случилось на следующий год после смерти бабушки. Весной поля бурно заколосились, и золотисто-желтые цветы рапса простирались прямо до горизонта, колыхались на ветру волнами, будоража чувства, словно грудь Цянь Сяохун.

Цянь Сяохун вместе с сестрой и зятем сажали овощи на огороде на расстоянии ли³ от деревни. Цянь сказала, что хочет пить и, соблазнительно вильнув задницей, пошла в сторону дома. Это движение было условным знаком, ее зад покачивался перед глазами зятя, отчего его мысли смешались. В стихах и песнях говорится, что весна – лучшая пора для свадеб, пчелы кружились в воздухе, теплое солнышко ласкало кожу, и парню захотелось улечься в обнимку с женщиной. Благоверная вечером сможет разве что трупом лежать, точь-в-точь как этот клочок земли, а он будет молча обрабатывать ее, и даже позу особо не поменяешь. От этих мыслей и работать-то охота пропала. Зять огляделся по сторонам, нахмурил брови, поднатужился и успешно выпустил газы, после чего сообщил жене, мол, живот разболелся, надо в туалет побольшему, изобразив, что еле-еле терпит. Та простодушно рассмеялась и сказала:

– Лентяи вечно бегают то по-большому, то по-маленькому, быстрее давай иди по нужде. Зять рысью унесся.

По одному побегу в каждую лунку – сестра, словно вышивая, высадила всю рассаду острого перца, затем окинула грядки материнским взглядом и довольно улыбнулась. Лицо ее напоминало увядший, потемневший цветок. Пора поливать, а эти двое так и не вернулись. Ветер обдувал одинокую фигуру старшей сестры, ее серая холщовая одежда вся была перепачкана желтой глиной, ноги увязли в земле, отчего старшая сестра казалась ниже ростом. Через некоторое время она подошла к кромке поля, приложила правую руку ко лбу, прикрывая глаза от солнца, и прищурилась, всматриваясь вдаль, чтобы разглядеть отцовский дом. Стеклопанная мозаика, которой отец украсил стены, отливала золотом, отчего дом в солнечном свете сверкал и переливался, как россыпь драгоценных камней. Но она не увидела ни Цянь Сяохун, ни мужа. Чем они там занимаются? На душе у старшей сестры стало беспокойно. Она хлопнула пару раз в ладоши, отряхивая пыль с рук, пересекла огород и тайком вернулась в дом. Для начала она поискала мужа в туалете, но его там не оказалось. Может, пошел на кухню попить водички? На кухне тоже было пусто. Сердце женщины заколотилось сильнее, она разволновалась, смутно предчувствуя, что что-то случилось. Когда она поднялась вверх к комнате Цянь Сяохун, то одной рукой держалась за грудь, а второй опиралась о стену и тяжело дышала, широко открыв рот. От солнечных бликов у нее зарябило в глазах и закружилась голова.

Дверь была приоткрыта примерно на цунь⁴.

– Братец Фэн, одевайся и уходи, а не то сестрица может что-нибудь заподозрить.

– Да она ничего не видит и не понимает!

– А что ты будешь делать, если она пронюхает?

³ Китайская мера длины, равная 0,5 километра.

⁴ Мера длины в Китае, примерно равная 3,33 см.

- Быть того не может.
- А если я залечу в этот раз?
- Родишь, а я воспитаю!

У сестры задрожали ноги, она с громким стуком распахнула дверь и встала на пороге. Солнечный свет растянул ее тень по полу, сделав очень-очень длинной. На кровати в этой тени явственно виднелись два лица. В комнату с жужжанием влетела пчела. Пылинки кружились в солнечном свете. В тот же миг повисла мертвая тишина.

Цянь Сяохун ничуть не смутилась и неторопливо оделась. Девушка боялась, что сестра их застукает, а вышло даже хорошо, что они оказались лицом к лицу. У Цянь Сяохун с души будто камень свалился, и стало легче. Она не проронила ни слова, оделась и села, сгорбившись и повернувшись спиной к двери, в ожидании, когда старшая сестра набросится на нее с упреками.

Муж сестры встал с постели нагишом, тело его дрожало от удовольствия, словно он только что совершил самый приятный поступок в своей жизни. Сестра долго-долго беззвучно шевелила губами, с остолбенелым видом глядя на голого мужа, при этом ее потемневшее лицо напоминало сморщенную горькую тыкву, а потом внезапно взвыла и убежала, закрыв лицо руками. Внизу она остановилась как вкопанная, решив, что поступает неправильно. «Смущаться должны эти бесстыдники, это они должны убегать, а я ничего дурного не сделала, чего я убегаю-то?» Эта мысль придала смелости, женщина резко прекратила горько рыдать и, тыкая пальцем в сторону комнаты сестры и растягивая слоги, принялась во все горло браниться, перемежая ругань со всхлипываниями:

– Ах ты свинья! А ты, вонючая, бесстыдная шлюха! Мразь! Потаскуха! Совсем совесть потеряли!

Сестра громко распекала их, словно в надежде на поддержку односельчан. И впрямь, услышав, как она, что говорится, взывает к небу и бьется лбом о землю, ругается и плачет, соседи, словно муравьи, повыползали из своих нор, один за другим поспешили к дому и столпились у дверей.

2

– Убирайся-ка отсюда подобру-поздорову, а с сеструхой твоей я разберусь, – велел муж сестры после всего случившегося. Судя по его тону, он уже обуздал жену.

– А тебе? Тебе не надо скрыться где-нибудь? – удрученно спросила Цянь Сяохун.

– Тебе еще замуж выходить. А я мужик, мне все равно. Это сущий пустяк!

Вид у зятя был очень участливый. Цянь Сяохун поджала губы и проглотила слова, которые хотела произнести.

На следующий день Цянь Сяохун уехала. Она отправилась в уездный город, чтобы устроиться на работу в маленькую гостиницу.

Гостиница располагалась на отшибе и выглядела довольно убого: бетонные полы и стены, никакой отделки, около тридцати номеров на трех этажах. Цянь Сяохун выкинула из головы то, что случилось в деревне, подумав про себя, что спать с мужем старшей сестры – это не инцест. Свекры спят со снохами, жены старших братьев спят с младшими братьями, разве редко такое встретишь? Всему виной ее невезение. Сначала Цянь Сяохун переживала, что могла залететь от мужа сестры, но «тетушка»⁵ навестила ее вовремя, а как только «тетушка» наведальась, так, считай, все заново началось.

На фоне остальной obsługi в гостинице грудь у Цянь Сяохун опять же была самой выдающейся. Задницу девушка тоже выпячивала, и когда шла, то бешено виляла ею, словно сучка

⁵ «Тетушка» – эвфемизм для критических дней.

в течке. Каждое движение ее задницы передавало некое сообщение, и мужики при виде нее тут же испытывали желание уложить ее в постель. Постояльцы частенько названивали на стойку регистрации и обслуживания гостей и болтали с Цянь Сяохун. Она любезно ворковала с ними, время от времени хихикая, словно кто-то щекотал ее под мышкой.

Однажды Цянь Сяохун разговорилась с одним постояльцем, приехавшим с Севера⁶. Тот сказал, мол, поднимайся, угощу тебя нашими деликатесами. В двенадцать часов ночи, сдав смену, Цянь Сяохун пошла к нему в номер. Мужчина открыл дверь, Цянь Сяохун проскользнула мимо него внутрь, и он ущипнул ее со словами:

– Какая тоненькая талия!

Цянь Сяохун дернулась, ударившись своими горными пиками о стену, а когда отпрянула, гость уже запер дверь номера. Комнатка оказалась очень тесной, здесь сильно пахло плесенью, настенная лампа отбрасывала тускло-желтый свет, одеяло почернело, кровать была ужасно узкой, а в пепельнице на прикроватной тумбочке дымился окурок. Этот парень с Севера был не промах. Он осторожно попробовал распуścić руки и, получив молчаливое согласие Цянь Сяохун, еще больше осмелел. Он словно никогда не видал таких статей и яростно мял грудь девушки, будто проверяя, настоящая она или искусственная. Он суетился, ведь обеими руками получалось ухватить только одну грудь Цянь Сяохун, раздувавшуюся, как воздушный шарик, и гость с Севера чувствовал под своей ладонью движение воздуха. Он еще какое-то время играл с ее грудью, то сжимая сильнее, то ослабляя давление, а Цянь Сяохун в ответ попискивала, словно комарик. Внезапно девушка кое о чем вспомнила, оттолкнула мужчину и бросила на него кокетливый взгляд:

– А где вкусняшки-то ваши северные?

Мужчина наклонился к ней и гоготнул:

– Так вот он я!

Цянь Сяохун в ответ хихикнула:

– Ну ты шутник!

Руки парня смело поползли вниз, но девушка его остановила.

– Невинной прикидываешься? – заржал он.

– У меня «эти» дни! Мне нельзя!

Мужчина не поверил:

– Я тебе денег дам!

– Сам смотри!

Она задрала юбку, спустила трусики, и он увидел расплывшееся пятно крови.

– Ну и что? Я не брезгую! А это доказывает, что ты мне действительно нравишься!

Цянь Сяохун вспомнила, что в деревне эти дни называли нечистыми. От женщин в такое время нужно держаться подальше, даже смотреть на кровь нельзя. Кто ж захочет с ней соприкасаться? У городских все иначе. Она снова кокетливо посмотрела на гостя с севера, он показался ей очень красивым.

– Мне кажется, ты похож на учителя.

– А я и есть школьный учитель.

Цянь Сяохун прикусила губу и спросила:

– А жены у тебя нет?

– Есть. Это все именно потому, что я женат.

Цянь Сяохун не поняла причинно-следственной связи, и он объяснил:

– Интрижку ведь можно закрутить, только когда ты уже женат. И любовницу можно завести, только если у тебя жена есть. Ты не понимаешь.

⁶ Имеются в виду районы бассейна реки Хуанхэ и севернее.

– А почему я должна понимать? На кой черт? – огрызнулась девушка. – Пойду ополоснусь.

Цянь Сяохун плескалась в уборной, а когда закончила мыться, все еще сомневалась, но тело уговорило, и девушка решительно легла с постояльцем в постель. Мужчина с сопением переворачивал ее так и сяк, словно соленую рыбу, а закончив, натянул брюки и спросил:

– Сколько?

Цянь Сяохун опешила:

– Что сколько?

Парень опешил еще сильнее:

– Ты разве не торгуешь?

– Торгую? Чем?!

– Собой!

3

Машины носились туда-сюда, поднимая клубы пыли. То и дело проезжали, поскрипывая, длинные автобусы-гармошки. Цянь Сяохун надела светло-голубую майку и такого же цвета мини-юбку, выставив наружу практически все свои прелести, но невинным выражением лица напоминала младенца в слюнявчике. Она стояла на остановке под табличкой с указанием маршрутов и лузгала семечки, со скучающим видом вглядываясь вдаль. Цянь Сяохун размышляла о разном, к примеру о том, как впервые переспала с мальчиком, как крутила роман с актером из театральной труппы, игравшим второстепенных персонажей, который уехал, и ни слуху о нем ни духу, а еще об интрижке с мужем сестры, из-за чего и началась вся эта неразбериха. Все эти воспоминания дробились под колесами проезжавших автомобилей, некоторое время кружили в воздухе, а потом улетали ко всем чертям. Глубокая ложбинка между грудями Цянь Сяохун, словно бы была продолжением линии, прорисованной от пространства между бровями через кончик носа и дальше вниз, к просвету между бедер, воображение останавливалось в этой ключевой точке так же, как реки впадают в море, а потом достигало конечной цели. Пассажиры, ожидавшие автобуса, тайком скользили взглядами по груди Цянь Сяохун, пока девушка пребывала в задумчивости. В глазах женщин читалась невольная зависть, и они надменно вскидывали головы, а мужчины начинали таять и в глубине души предавались смелым сексуальным фантазиям. Их мечты превращались в цветы, которые сами собой втыкались в обольстительную вазу Цянь Сяохун⁷. А потом мужчины начинали отираться вокруг девушки, словно псы, катающиеся по траве, или грубо напирали, привлекая ее рассеянное внимание.

Приехал автобус, напоминающий старика с похмелья. Когда он остановился, то взгляды пассажиров сосредоточились в одной точке, вернее сказать, устремились в ложбинку между грудями Цянь Сяохун. Чтобы в маленьком городке так вызывающе одеваться, нужна большая смелость. Мужчинам не хотелось покидать остановку, они отчаянно косились в сторону Цянь Сяохун, но делать нечего, пришлось гуськом подниматься в салон автобуса. Цянь Сяохун напевала себе под нос слова из популярной песни «Вслед за сердцем убегай, за руку мечту хватай», беззаботно притопывая в такт, и неторопливо двигалась в хвосте очереди.

Ветер поднял облако пыли, Цянь Сяохун зажмурилась, а когда открыла глаза, то увидела зад автобуса, из его выхлопной трубы вырвался синий дым. Цянь Сяохун от злости топнула ногой, грязно выругалась про себя, а грудь ее всколыхнулась.

– Цянь Сяохун! Цянь Сяохун! – раздался женский крик.

⁷ «Поставить цветок в вазу» – один из эвфемизмов для любовной игры в классической литературе. В иносказательной китайской традиции ваза символизирует женское лоно.

На нее надвигалась длинная тень. Растрепанные кудрявые волосы напоминали модный ныне курятник, в ушах болтались огромные серебряные сережки, а алые губы растянулись в широкой улыбке.

– Ян Чуньхуа! – завопила Цянь Сяохун.

Они с Ян Чуньхуа сидели когда-то за одной партой, а сейчас одноклассница была разодета как настоящая шалава, но вовсе не сексуально.

– Ты где работаешь? – спросила Ян Чуньхуа, уставившись маленькими глазками на грудь подруги.

– Да в местной гостинице.

– Сколько в месяц платят?

– Сто пятьдесят юаней.

– Слишком мало! Переходи в фирму к моему другу! – Ян Чуньхуа поцокала языком, а потом схватила Цянь Сяохун за руку и потащила за собой, словно цыпленка.

Шли они примерно одну остановку. Райончик неплохой, кругом увеселительные заведения, не сказать, что роскошный, но довольно оживленный. Типичная картина в подобных городках: неровные узкие улицы, стены завешаны пропагандистскими лозунгами, листья деревьев покрыты слоем пыли, все кругом жуют бетель⁸, жизнь кипит, словно мутная вода в котле. Обитатели этого города жили так же, как жевали бетель: пока жуешь – вкусно, а сплюнешь на землю – рот сушит и вяжет. Ян Чуньхуа крепко держала Цянь Сяохун за руку, словно боялась, что та улетит прочь.

Входная дверь была очень широкой, девушки прошли мимо стойки в офисное помещение, где, сидя на черном диване, несколько мужчин болтали в табачном дыму. Какая-то девушка за письменным столом стучала по клавишам калькулятора. Ян Чуньхуа сообщила:

– Директор Тань, это моя одноклассница. Только взгляните на нее!

Она произнесла это таким фальцетом, что Цянь Сяохун подпрыгнула от страха. Мужчина, к которому обратилась Ян Чуньхуа, поднялся с дивана. Ему было около сорока, лысый, невысокий и полноватый. Глаза директора Таня стремительно скользнули по налитой груди Цянь Сяохун, после чего он с улыбкой махнул рукой, в которой держал сигарету:

– Как звать?

– Цянь Сяохун. «Цянь» как «деньги», «сяо» – «маленький», а «хун» – «красный»! – ответила за нее Ян Чуньхуа, а потом усадила подругу рядом с мужчиной помоложе, который тут же приобнял Цянь Сяохун за талию.

Цянь Сяохун кокетливо улыбнулась господину Таню.

– Хорошо! С завтрашнего утра выходи на работу! – Директор Тань не стал ходить вокруг да около.

В тот вечер директор Тань проставлялся в приватном кабинете ресторана «Инчунь». На банкет были приглашены директор химзавода «Хунци» по фамилии Лю, управляющий универмага «Гаоюань», господин Чжан, а еще руководитель импортно-экспортной компании господин Ли... Цянь Сяохун чокалась со всеми присутствующими от лица директора Таня. У господина Лю вид был цветущий, он разжирел, как свинья, которую собираются заколоть на Новый год, а взгляд его словно бы высверливал дырку в груди Цянь Сяохун. Девушке он не понравился. Цянь Сяохун не умела красивыми словами отказаться от выпивки и честно пила, не разбрызгивая ни капли. Раньше она никогда не употребляла алкоголь, голова немного закружилась, как в жаркий летний полдень, когда она сидела в классе на уроке, а от монотонного стрекота цикад клонило в сон. У мужчин глаза налились кровью, все наперебой нахваливали выбор директора Таня, мол, знал, кого позвать. Цянь Сяохун поняла, что до конца банкета еще далеко, сходила в туалет, где опорожнила кишечник, а заодно и желудок, когда ее стошнило,

⁸ В Китае плоды и листья бетеля традиционно используются как тонизирующее средство.

и снова протрезвела. Стопка за стопкой допили «Улянье»⁹ – принялись за эрготу¹⁰, допили эрготу – перешли на красное вино, а после вина закончили непастеризованным пивом. Живот превратился в отхожее место: закидываешь туда все без разбору – получаешь удобрения. В ключевой момент Цянь Сяохун поднялась с места, еще раз подняла тост с гостями вместо директора Таня, Ян Чуньхуа аж глаза выпучила от удивления.

На следующий день лысина директора Таня блестела пуше прежнего, он сообщил:

– Две непоколебимые горы наконец-то поддались, и ожидается куча денег. «Хунци» – огромный завод, если с ними заключить сделку, то весь этот год можно жить в довольстве. Идем со мной, я тебе покажу, что к чему.

Директор Тань открыл двери склада. Цянь Сяохун увидела груды какого-то бесполезного ржавого барахла. Тань объяснил, что это металлические вентили, и такие медные штуковины стоят по несколько сот юаней. А для чего они? Много для чего! Директор Тань словно ввел девушку в святую святых финансов и экономики. Цянь Сяохун была польщена неожиданной честью, но при этом испытывала трепет, не понимая, что стоило ей появиться, как она уже внесла вклад в дело и заслужила подобное обращение со стороны директора Таня.

– Когда пьешь с кем-то, то видишь истинный характер человека. Ты у нас девушка прямая, заслуживаешь доверия, я не просчитался.

Директор Тань словно бы прочитал мысли Цянь Сяохун. Через пару минут он добавил:

– С завтрашнего дня будешь ночевать на складе, по соседству есть спальня с кроватью, постельными принадлежностями, и даже телевизор имеется.

– Слушаюсь, господин директор!

Впервые Цянь Сяохун решила подлизаться. Директор Тань сразу обрадовался и похвалил ее:

– Быстро учишься!

Не прошло и нескольких дней, как Цянь Сяохун поняла, что Ян Чуньхуа – любовница одного из коллег директора Таня, который тоже занимался металлоломом. Звали его Ма Сюнем, но все обращались к нему «начальник Ма». Цянь Сяохун обнаружила, что здесь любят, чтобы их называли директорами и начальниками. Если торговца, продающего с лотка бетель, назвать «начальником», то он так обрадуется, что на редкость расщедрится и продаст тебе бетель со скидкой. Директор Тань сказал, что они с начальником Ма закадычные друзья. Сначала Ян Чуньхуа работала на директора Таня и неплохо зарекомендовала себя в общении с клиентами, и когда начальник Ма решил прибрать девушку к рукам, директор Тань отпустил ее.

– И что?! Вон пришла еще лучше! – Директор Тань осклабился, продемонстрировав пожелтевшие от табачного дыма зубы.

В первом месяце Цянь Сяохун получила для начала четыре сотни юаней. Ян Чуньхуа пригласила Цянь Сяохун на пару партий в мацзян¹¹, расслабиться и пообщаться. Ставки были маленькие, два-четыре цзяо¹², Цянь Сяохун везло, и она разом выиграла юаней двадцать-тридцать. Начальник Ма сидел напротив Ян Чуньхуа и проигрывал с достоинством, шурился в улыбке и расспрашивал Цянь Сяохун о работе. Цянь Сяохун отвечала как на духу, мол, благодаря Ян Чуньхуа за первый месяц заработала четыреста юаней. Начальник Ма покивал:

– Неплохо, неплохо. Старайся.

Ян Чуньхуа выразительно покосилась на начальника Ма, а тот в ответ на нее, и Цянь Сяохун поняла, что у них какое-то дело и что они не хотят обсуждать свои вопросы при посто-

⁹ Знаменитая китайская водка.

¹⁰ Крепкая (60–70°) второсортная водка.

¹¹ Китайская азартная игра для четырех участников с использованием игральные кости.

¹² Разменная денежная единица, равная 0,1 юаня.

ронних, и притворилась, что ничего не заметила. Через некоторое время кто-то наступил ей под столом на ногу, Цянь Сяохун тут же решила, что это начальник Ма наступил по ошибке.

– Чуньхуа, ты о чем-то хотела поговорить? – наконец не выдержала Цянь Сяохун.

Чуньхуа загадочно улыбнулась:

– Есть одно выгодное дельце, не знаю только, захочешь ли ты поучаствовать.

– А что нужно делать?

– У тебя же есть ключ от склада директора Таня?

– Ну да.

– Ты ж в курсе, что там полно ценного?

– В курсе.

– У директора Таня склад большой, он там особо инвентаризацию не проводит, я-то знаю. Ты каждый месяц будешь оттуда выносить что-нибудь ценное, а я помогу сбывать, деньги разделим, тридцать процентов на семьдесят или сорок на шестьдесят, как скажешь. А через несколько месяцев свинтим отсюда. Как тебе?

Цянь Сяохун остолбенела, а про себя подумала: «Ведь начальник Ма с директором Танем закадычные друзья!» Девушке стало немного грустно, а вслух она сказала:

– Мне нужно немного подумать.

На самом деле Цянь Сяохун даже особо и думать не стала, поскольку ей уже приходила в голову такая мысль, она даже прошла полпути, засунув за пазуху какую-то медную штукювину ценой в пятьсот юаней, и грудь этим куском ржавого металла обожгло как огнем. Дело было ночью, на улице ни души, по обе стороны дороги лирично раскачивались ветви ив. Девушка ощущала себя воровкой, и сердце заколотилось еще сильнее. «Цянь Сяохун, ты же не дрянная какая-нибудь! Неужто позарилась на деньги?!» Так Цянь Сяохун ругала себя, поругала-поругала, потом почувствовала себя благородной и поплыла по улице, развернувшись на полдороге. Придя обратно на склад, она потихоньку положила металлическую штукювину на место.

Однако все эти подробности Цянь Сяохун не стала им рассказывать. Директор Тань ей доверяет, Ян Чуньхуа к ней очень добра, она зажата между молотом и наковальней, как ни крути, а обоим не угодишь. Если не согласится, то Ян Чуньхуа засомневается, уж не предала ли она их дружбу, и будет беспокоиться, не донесла ли Цянь Сяохун директору Таню, а потом испугается, что директор Тань тайком что-нибудь замыслит и отомстит им. А если согласится? Подведет директора Таня, а если не справится, то попадется. Такое впечатление, что Чуньхуа запустила ее, словно мышку, в зернохранилище директора Таня. «Но ведь я же если и делала что тайком, то только любовников заводила да смеялась исподтишка, но не ради денег!» Цянь Сяохун сама себя растрогала: «Как говорится, репутация для человека что кора для дерева, а у меня высокие нравственные принципы!»

Цянь Сяохун охраняла склад. Лежа на кровати и вглядываясь в ослепительно-белые стены, она размышляла всю ночь и приняла мужественное решение – уволиться. Ресторан рядом с остановкой автобуса вроде как приглашает на работу официанток, лучше уж там разносить тарелки. Наутро Цянь Сяохун сообщила о своем решении директору Таню, который, как обычно, держал между короткими пальцами сигарету. Тот заявил:

– Цянь Сяохун, если у тебя ко мне какие-то претензии, так ты говори прямо и не выделывайся.

Цянь Сяохун замахала руками:

– Что вы, что вы! Вы обо мне так заботились, это я с работой не справляюсь, какие у меня могут быть к вам претензии!

На лице Цянь Сяохун появилось смущенное выражение, она учащенно задыхалась, и пуговка на груди внезапно отскочила, упала на землю и закатилась под стол. Не иначе как одежда у Цянь Сяохун была слишком тесная и груди не захотели смириться с оковами. Девушка даже не заметила оторвавшейся пуговки.

Цянь Сяохун упорствовала в своем желании уйти, директору Таню неудобно было уговаривать ее остаться, и тут он вручил ей триста юаней. Цянь Сяохун стала отнекиваться:

– Зачем вы мне деньги суετε?

Директор Тань ответил:

– Это тебе премия.

– Не нужна мне премия, я эти триста юаней не заслужила.

– Цянь Сяохун, ты чего упираешься? Бери эти триста юаней без зазрения совести, или если откажешься, то это сделает тебя более приличной?

– И все же у меня недостаточно квалификации. Господин Тань, а у вас не бывало такого, чтобы в глаза вас называли «братом», а потом в спину нож втыкали?

– Конечно, бывало. В большом лесу каких только тварей не водится. Ничего удивительного.

Директор Тань не скрывал собственных промахов.

– Вы старше меня и определенно больше моего знаете, – с намеком продолжила Цянь Сяохун.

– Да я в курсе, о чем ты, – хохотнул директор Тань.

– В курсе? В курсе чего? – Цянь Сяохун широко распахнула свои лисьи глаза.

– Того, как ты с начальником Ма играла в мацзян. Ха-ха-ха!

– Ну да, играла.

– Я знаю, о чем вы болтали.

У Цянь Сяохун екнуло сердце.

– И вот что я тебе скажу, Цянь Сяохун. Это ведь была моя идея. Я официально приношу тебе свои извинения, теперь я в тебе ни капли не сомневаюсь.

Так вот оно что! В душе девушки поднималась обида, но вслух она равнодушным тоном произнесла:

– Господин Тань, но вот только я вам больше не доверяю. Успехов в обогащении!

4

– Скажите, вам нужны сотрудники?

Закончив «выступать» перед директором Танем, Цянь Сяохун тут же без передышки поцокала в ресторан «Фумань». Администраторше было под сорок, на ее лице словно лежал слой штукатурки, брови и глаза подведены угольным карандашом, губы густо намазаны будто свиной кровью, а в ушах болтались сережки размером с поручень в автобусе. Цянь Сяохун показалось, что стоит женщине рассмеяться, и эта стена начнет трескаться и штукатурка с грохотом посыплется.

Администраторша несколько раз осмотрела Цянь Сяохун с головы до пят, натянуто улыбаясь, и, уставившись на грудь девушки, спросила, есть ли у нее опыт.

– Какой опыт? – не поняла Цянь Сяохун.

– Разумеется, опыт работы. Неужто я стану спрашивать, был ли у тебя опыт в постели? – женщина повысила голос.

Цянь Сяохун понимала, что под «постелью» имеются в виду сексуальные отношения, и подумала: «Разве об этом опыте стоит разговаривать вообще?» Эта баба вовсе не собиралась брать Цянь Сяохун на работу, а явно над ней насмеялась. И тут из зала вышел какой-то небритый парень и спросил:

– Работу ищешь?

Цянь Сяохун в ответ раздраженно буркнула:

– Да. Опыт работы имеется и опыт в постели тоже!

Парень опешил:

– Сестренка, да ты у нас с характером! Лет-то сколько?

Администраторша закатила глаза, мол, к чему эти вопросы, сразу же видно, что она нам не подходит.

– Мне шестнадцать. Кажется, я вас не устрою, – сказала Цянь Сяохун администраторше. Она понимала, что та не хочет оставить ее, поскольку чувствует скрытую угрозу. Цянь Сяохун кое-что узнала о психологии женщин, и у нее был немалый опыт любовного общения.

– Шестнадцать? Это уже за детский труд не считается. В ресторане когда-нибудь работала? – Парень очень заинтересовался.

– Вали уже, хватит тут разглагольствовать! – Администраторша помрачнела и выгоняла парня, словно тот был заблудившейся курицей.

Цянь Сяохун была несколько озадачена. То, что привлекает мужчин, почти всегда отталкивает женщин, мужчинам и женщинам нравятся противоположные вещи. В конце концов парень расправил плечи и ушел, брюки болтались на его костлявой заднице. Цянь Сяохун тоже выскочила из ресторана, по дороге налетев на дверь из прозрачного стекла и ударившись так, что перед глазами потемнело.

Оказавшись на залитой солнечным светом улице, девушка шла размашистой походкой, наступая на голову собственной тени, и чуть не свалилась в сточную канаву. Гнилые арбузы обнажили красную мякоть, черные мухи, словно арбузные семечки, копошились на арбузах, при приближении Цянь Сяохун они с жужжанием взлетели, сделали один круг и снова приземлились. Листья деревьев высохли от солнца. В животе у девушки урчало. Черт, как же пить хочется! Цянь Сяохун нашарила в кармане монетку и купила себе фруктовый лед со вкусом банана. Она сосала его, читая по дороге объявления, расклеенные на стенах и фонарных столбах: «Военный врач излечит от венерических заболеваний», «Хорошие новости для пациентов с простатитом», «Избавление от сифилиса»... Цянь Сяохун нигде не требовалась.

– Эй!

Кто-то зовет ее или это от жары начались слуховые галлюцинации?

– Эй! – снова раздался крик.

Тот парень в болтающихся штанах догнал ее. Теперь он чуток сгорбился.

– Пойдешь работать к моему другу?

Прозвучало это так, будто он спрашивал, переспит ли она с ним сегодня вечером. Цянь Сяохун яростно сосала заметно укоротившийся лед на палочке, потом достала его изо рта и велела:

– Показывай дорогу.

Цянь Сяохун с детства так сосала фруктовый лед. Парень вылупил на нее во все глаза, а его кадык судорожно заходил вверх-вниз.

– Пить хочешь? Я тебе тоже куплю фруктовый лед, – предложила Цянь Сяохун.

– Не нужно, не нужно. На месте выпьем холодного чаю. Слушай, я скажу, что ты моя двоюродная сестренка.

Цянь Сяохун бросила на него кокетливый взгляд и хихикнула, обгрызая остатки льда с бамбуковой палочки.

– Пришли! – сообщил парень, ткнув указательным пальцем в сторону парикмахерской.

Цянь Сяохун удивилась, поскольку полагала, что они идут в ресторан. Двери парикмахерской были огромными, а за стеной из прозрачного стекла в зале мельтешили люди. На дверях висело объявление красными буквами: «Требуются мойщицы головы. Возраст 16–20 лет. Можно без опыта работы».

– Покажи мне свои руки!

Цянь Сяохун растопырила пальцы.

– Очень чувственные. Ногти обстриги. На обучение один день, – решительно сказал директор парикмахерской, осмотрев руки Цянь Сяохун.

Директором оказался молодой человек лет тридцати, очень худой, с длинными волосами, спереди сразу и не поймешь, то ли мужчина, то ли женщина, а сзади тем более. Цянь Сяохун подумала, что он выглядит будто нарисованным.

Мойщиц вместе с Цянь Сяохун было четверо, и еще один учитель, которого нанял директор парикмахерской. Так Цянь Сяохун посчастливилось ступить на третью ступеньку карьерной лестницы. Не прошло и часа, как она познакомилась со своими товарками, а через две недели все клиенты парикмахерской мужского пола специально тянули время, ожидая, когда освободится Цянь Сяохун.

Цянь Сяохун была просто создана для этой работы. Клиент устраивался в кресле, запрокидывал голову под нужным углом, нацелившись на внушительную грудь девушки. Пока их головы были в мыльной шапке, мужчины болтали с Цянь Сяохун, а после помывки наступала очередь пятнадцатиминутного массажа, и вот тут они закрывали глаза, чуть-чуть отодвигались назад и устраивались на груди Цянь Сяохун, словно на подушке. Клиентам удобно, директор доволен, он потихоньку совал Цянь Сяохун премиальные, подтверждая ее ценность и способности.

Ближе всех Цянь Сяохун сошлась с Ли Сыцзян, они спали на одной двухъярусной кровати. Ли Сыцзян была очень простодушная, чистая и милая девушка, можно сказать, родник в глухих горах, и такая добрая, что могла бы исправить любого негодяя.

Ли Сыцзян увещевала:

– Цянь Сяохун, не стоит торговать своей сексуальностью.

Цянь Сяохун усмехнулась:

– Ли Сыцзян, глупышка, я ж ни с кем не сплю за деньги, о какой торговле идет речь?

Ли Сыцзян была младше Цянь Сяохун на год, и ее белокожее личико формой напоминало яблочко.

– Ты еще девственница? – поинтересовалась Цянь Сяохун.

Подруга не ответила. Цянь Сяохун в темноте слезла со своей койки и улеглась вместе с Ли Сыцзян.

– Не скрывай ничего, говори. Когда признаешься, то и на сердце веселее.

– Я... тогда... – У Ли Сыцзян словно морковка во рту застряла.

– Ну-ка, пощупай мою грудь.

Ли Сыцзян не осмеливалась дотронуться, и тогда Цянь Сяохун сама схватила ее руку. Ладонь Ли Сыцзян на какое-то время замерла на груди, а потом со смесью нерешительности и удивления описала круг.

– Ого, какая большая!

– Хи-хи! Это заслуга мужа моей старшей сестры. Как мне исполнилось десять, так он при каждом удобном случае тискал, мял и щупал, а в четырнадцать поимел по-настоящему.

– А не тяжело с такой большой грудью? Вот, пощупай мои. Размером с мандаринки, – с завистью сказала Ли Сыцзян.

Цянь Сяохун потрогала – и впрямь, разница как между дыней и мандарином. Но потом она разрыдалась, всхлипывая:

– Вот ведь козлина...

5

Тот парень в болтающихся брюках пару раз приходил к Цянь Сяохун помыть голову, но потом больше не показывался. Наштукатуренная баба, образно говоря, закрыла его в кувшине с уксусом¹³. После того как у Цянь Сяохун и Ли Сыцзян состоялся долгий разговор по душам

¹³ «Кувшином с уксусом» китайцы называют ревнивых женщин.

и они выложили все друг дружке начистоту, девушки стали не разлей вода, как говорили в этой местности, «одной срубишь голову, а шрам общий». Щечки Ли Сыцзян навлекли на них беду, поскольку на них клюнул молодой человек из соседнего магазина, который жил припеваючи, сидя на шее у своей подружки, владевшей магазином, причем эта несимпатичная толстая девица полностью его себе подчинила. Парень пару раз тайком пробирался в их общежитие повидаться с Ли Сыцзян, они дважды сходили в кино, а потом обо всем стало известно его подруге. Та ворвалась в парикмахерскую, сотрясаясь всем своим жирным телом, обнаружила там Цянь Сяохун и, тыча пальцем, заявила:

– Полегче! Не стоит пытаться меня обхитрить!

Девица не знала, какая из мойщиц гуляет с ее парнем, но решила, что раз у Цянь Сяохун очень высокая грудь, значит, именно Цянь Сяохун внушает наибольшие подозрения. Цянь Сяохун поняла, в чем дело, но не стала объяснять, а лишь ехидно заметила:

– Ежели бычок сжевал рассаду, то надо винить не бычка, а того, кто за ним недоглядел!

Девица застыла, лишившись дара речи, а потом собралась вцепиться Цянь Сяохун в волосы, но та извернулась и отскочила подальше.

– Слушай, Ли Сыцзян, – втолковывала она подруге, – этот твой дружок вообще в курсе, чем он занимается? Баба его кормит-поит, с потрохами его имеет, в чем отличие от торговли телом?

Цянь Сяохун вспомнила слово, которое употребил тогда постоялец отеля, приехавший с Севера, – явно речь шла о занятиях любовью за деньги.

– Но он говорил, что ему нравлюсь я, а не его подружка, – недоумевала Ли Сыцзян.

– Он с тобой играл! Женщинам нельзя быть слишком пассивными и вестись на их уговоры, и вообще у здешних мужиков у всех простатит!

Надо сказать, Цянь Сяохун не знала, что такое «простатит», но раз везде развешаны объявления о лечении такой болезни, то это определенно что-то довольно серьезное и распространенное. В словах Цянь Сяохун была своя логика. Ли Сыцзян, чистая душа, потихоньку училась у Цянь Сяохун, мало-помалу осознала суть и с тех пор практически боготворила подругу.

Однажды Ли Сыцзян мыла посетителю голову и внезапно спросила:

– У вас же простатит?

Клиент не расслышал, решил, что она просит его сесть по-другому. Ли Сыцзян собиралась повторить, и тут Цянь Сяохун стукнула ее по спине. Ли Сыцзян проглотила вопрос и не стала озвучивать его. Но тяга к знаниям была сильна, потому после работы подруги отыскиали на столбах объявления «Хорошие новости для пациентов с простатитом». Некоторые иероглифы не читались, некоторых иероглифов обе раньше попросту в глаза не видели, но со скрипом девушки на пару все же сложили из частей целое и в общих чертах поняли, что такое простатит и где находится предстательная железа.

Ли Сыцзян высунула язык:

– Вот ведь как у мужиков все сложно устроено.

6

Внезапно наступила зима, и все вокруг словно погрузилось во тьму. Похолодало, и пальцы ног мерзли в туфлях, а пальцы рук трескались от постоянного контакта с мыльной пеной. Ничего особенного не происходило, и вдруг Цянь Сяохун одолело тягостное настроение, будто бы она постоянно занималась любовью в одной позе, не придумывая ничего нового, не меняя партнера, и ей стало невыносимо скучно. Даже самые лучшие события могут стать пресными, как отруби. Цянь Сяохун мыла голову и с тоской глядела на улицу, разглядывала прохожих, которые, похоже, нашли себе дело по душе.

– А чего бы тебе не рвануть в Шэньчжэнь, а? Там мойщицы голов раз в десять больше получают, – сообщил Цянь Сяохун один из клиентов по имени Рябой Ли.

– Видала я этот город по телевизору, там небо голубое, дома высокие, люди классные, а у мужиков жен бесчисленное количество, вот только не знаю, нужны ли им мойщицы, – равнодушно пробубнила Цянь Сяохун.

– Разумеется, нужны, причем мыть не только голову, но и что пониже. Местные девушки очень уродливы, если вы с Ли Сыцзян туда поедете, то определенно будете пользоваться популярностью, – нахваливал их Рябой Ли, выразив готовность помочь им.

Идея Рябого Ли была очень провокационной, от таких слов большая грудь Цянь Сяохун заходила ходуном, словно готова была выпрыгнуть из одежды, как спасающийся бегством заяц. Когда девушка разузнала подробнее, то перед глазами всплыл завораживающий, будто картинка, образ города, где по улицам бродили толпы достойных и культурных мужчин. Домыв Рябому Ли голову и размявшись, она подумала, что стоило бы поехать, так сказать, повидать белый свет. Отложенных денег хватало на поездку, да и деньги не проблема, самое важное – найти попугачицу. Цянь Сяохун переговорила с глазу на глаз с Ли Сыцзян. Та спросила:

– Далеко?

– Всего ночь на поезде.

– А билет сколько стоит?

– Около восьмидесяти юаней.

– А к кому мы там обратимся?

– Рябой Ли сказал, что все устроит.

– Я подумаю.

– А что тут думать? Если ты не поедешь, то я одна поеду, не жалуйся потом, что я тебя тут бросила.

Наступил конец месяца, а Ли Сыцзян все еще сомневалась. Тут Цянь Сяохун потеряла терпение и сердито сказала:

– Ли Сыцзян, давай уже, рожай быстрее! Столько времени думаешь, а яичко так и не снесла.

Ли Сыцзян металась, словно между жизнью и смертью, и не могла решиться.

Вечером в общежитии Цянь Сяохун дала подруге поручение:

– Ли Сыцзян, завтра утром передай хозяину, что я уволилась. Я вечером встречаюсь с Рябым Ли на вокзале. А ты давай хорошенько намывай головы, чтобы хозяину денежки капали!

Последние слова взбудоражили Ли Сыцзян, ее похожее на яблоко личико покраснелось, и девушка заявила:

– Я еду с тобой!

Часть вторая ТЕЛЕСНЫЕ СВЯЗИ

1

Вообще-то Рябой Ли вовсе не был рябым. Его отец носил фамилию Ли, а мать – Ма, родители решили дать ему имя Мацзы, то есть «сын Ма», но звучало оно так же, как «рябой», так парень и получил свое прозвище. Рябому Ли еще не было и тридцати. Он называл Ли Сыцзян «сестренкой» и был с ней очень приветлив.

– А чем Рябой Ли в Шэньчжэне занимается? – поинтересовалась Ли Сыцзян.

– Нам-то какая разница? Наше дело – мыть головы, намыливать волосы густые и редкие, мягкие и жесткие, свои и крашенные, короткие и длинные, массировать несколько точек на головах всех размеров и форм. Нужно просто ублажить клиента, а если говорить грубее, то надраить ему башку и все! – Цянь Сяохун распалилась и трещала, словно бобы на сковородке.

Ли Сыцзян обратила внимание, что подруга все больше задается.

Поезд сильно грохотал, пассажиры, развалившись, спали, пуская во сне слюни. Цянь Сяохун внезапно оживилась, ткнула локтем в бок Ли Сыцзян и спросила:

– Сыцзян, как думаешь, какими мы будем через пять лет, когда вернемся из Шэньчжэня?

Ли Сыцзян распахнула глаза, посмотрела затуманенным взглядом на Цянь Сяохун и снова закрыла.

– Слушай, просыпайся, поговори со мной! – Цянь Сяохун снова ткнула подругу в бок локтем.

– Давай я с тобой поговорю, – с этими словами к ней придвинулся Рябой Ли, а за окном стремительно мелькали огни.

– Поезд слишком быстро едет! Меня сейчас стошнит! – Прикрыв рот ладонью, Цянь Сяохун поспешила в туалет.

– Выходим! Выходим! – кричал Ли.

– Приехали? – Цянь Сяохун проснулась, выглянула в окно, увидела надпись «Гуанчжоу» и собралась спать дальше.

– Вы-хо-дим! – Рябой Ли потряс девушку за плечи.

– На улице темень. Где мы? – спросонок пробормотала Ли Сыцзян, вытирая слюну с подбородка. Она посмотрела в окно, где при свете фонарей двигалась толпа пассажиров с большими и маленькими котомками, люди шли целыми семьями.

– Выходим! В Гуанчжоу нужно делать пересадку.

– Э? Ой! Мой кошелек! Кошелек пропал! – Ли Сыцзян, проснувшись, первым делом сунула руку в карман, обнаружила, что он пуст, и тут же заголосила.

– Быть того не может! Посмотри получше! Куда сунула? – спросил Рябой Ли.

– Вот сюда! – Ли Сыцзян задрала куртку и продемонстрировала карман на брюках.

Рябой Ли проверил: впрямь пусто.

– Пятьсот юаней... А-а-а... – Оглушительно заревела Ли Сыцзян. Маленьких глазок теперь не было видно на поверхности яблочка, лишь две тонкие щелочки.

Некоторые пассажиры презрительно ухмылялись, а остальные лица ничего не выражали.

– А какого черта ты задрыхла, как свинья? Ты что, решила, что у себя дома на кровати? Знаешь, почему совершаются преступления? Да потому, что преступникам подворачивается удобный случай! Ты не просто не проявила бдительности, а всячески потворствовала и даже искушала воров, можно сказать, подстрекала их! – Цянь Сяохун словно окатила подругу ледя-

ной водой. Она понимала, что если в такой момент начать утешать, то Ли Сыцзян заплачет еще горше. Хоть Цянь Сяохун и не была особо ученой, но умения разбираться в людях у нее было не отнять.

Мимо них двигалась толпа пассажиров, кто-то задел Ли Сыцзян сумкой по голове. Девушка сдержалась, не заревела и, сглатывая слезы, поковыляла к выходу.

Стояла жара. Они, покачиваясь, шли по перрону, снимая по дороге слои свитеров и курток. Ли Сыцзян снова ощупала карманы на брюках. Внезапно ей показалось, что она выглядит как «деревня».

– Сестренка, не горюй! Мы идем навстречу светлому будущему!

– Ли Сыцзян, он правильно говорит, смотри вперед. На, держи! – Цянь Сяохун сунула подружке двести юаней.

Как только Ли Сыцзян сжала в ладошке деньги, ее личико снова сморщилось от плача и на нем отразилась вся гамма чувств.

– Ладно. Мы сейчас сядем на поезд до Шэньчжэня. И перестаньте говорить на родном диалекте, какой-никакой, а путунхуа¹⁴ лучше, чем наш говор.

Рябой Ли много времени провел вдали от дома, так что бегло говорил на путунхуа. Девушки сначала хихикали, а потом приумолкли. Когда они говорили на диалекте, их речь так и лилась, но стоило перейти на путунхуа, и язык словно костенел и не поворачивался. Они заставляли себя говорить на путунхуа, иначе, кроме Рябого Ли, никто их больше и не поймет. Цянь Сяохун припомнила уроки в школе, когда они читали по слогам, и начала произносить слова в такой же манере, обучая Ли Сыцзян:

– Те-бя зо-вут Ли Сы-цзян. Ме-ня зо-вут Цянь Сяохун. А э-то Ря-бой Ли. Мы при-ехали из Ху-на-ни! Ой! Глянь, сколько бананов! Тут бананы прямо на дереве растут! – Только что Цянь Сяохун упражнялась в путунхуа, произнося слова по слогам, а тут внезапно выпалила целую тираду на хунаньском диалекте.

Ли Сыцзян перестала хмуриться и скорчилась от смеха. Рябой Ли тихонько цыкнул на Цянь Сяохун, мол, в вагоне есть другие люди, и тут Цянь Сяохун заметила, что какой-то парень, с виду сезонный рабочий, ржет над ней, да еще и пялится без зазрения совести. Вот ведь придурок! Цянь Сяохун выпрямилась и про себя крепко выругалась.

Ли Сыцзян снова судорожно обыскивала все свои карманы сверху, снизу, снаружи и внутри, ни одного не пропустила.

– Сяохун, когда мы денег заработаем, я куплю себе красивых шмоток. Эта одежда слишком простецкая, шэньчжэньцы меня не засмеют? – теребила Ли Сыцзян подругу.

– Тогда надо побыстрее приступить к работе! Будет тебе и новая одежда, и хлеб, и мужики¹⁵, – отвечала Цянь Сяохун, растягивая звуки.

– Внимание! Внимание! Говорим на путунхуа! – Рябой Ли все это время дремал, а тут вдруг начал вещание.

– Хорошо. Давайте говорить на этом птичьем языке. Мы ско-ро при-е-дем в пре-красный Шэнь-чжэнь. Ли Сы-цзян, ну чё, ты ра-да? То есть «что»? Радехонька! В смысле ра-да.

Всю дорогу они пялились в окно и называли все, что видели, на путунхуа, а Рябой Ли выступал в роли учителя и своевременно поправлял девушек. Когда поезд прибыл в Шэньчжэнь, у обеих языки словно оттаяли и могли свободно поворачиваться во рту, скручиваясь едва ли не в узел. Рябой Ли велел им побольше тренироваться, и тогда будет получаться еще лучше.

¹⁴ Официальная норма китайского языка в Китайской Народной Республике.

¹⁵ Искаженная фраза из фильма «Ленин в 1918 году»; оригинальная реплика («И хлеб будет, всё будет») используется, чтобы успокоить человека, уверить его в успешном исходе дела.

2

Пассажирский микроавтобус вилял из стороны в сторону, то и дело тормозил и останавливался. Молодой парень, продававший билеты, стоял, открывал и закрывал двери, проводил одних пассажиров и приглашал других садиться. На локте у него висела черная холщовая сумочка, которую он прижимал к паху, словно занимался рукоблудием. Эта картина показалась Цянь Сяохун забавной, и она тихонько засмеялась.

– Деньги – это для мужика самое дорогое, можно сказать, стержень всего, – сказал Рябой Ли, и слова его прозвучали двусмысленно. – А у женщин тогда какой стержень?

– Мужики!

– Да щас! У женщин тоже деньги! Иначе зачем им мужики? Это как в математике: если A равно B , а B равно C , то A тоже ведь равно C .

Цянь Сяохун подумала: «А для того мужика в болтающихся штанах и для парня, который хотел поиметь Ли Сыцзян, стержень – это бабы, за счет которых они живут».

– Женщины крутятся вокруг мужиков ради денег, скоро увидишь. – Рябой Ли явно знал, о чем говорил.

– Значит, у кого деньги, тот и главный? – внезапно осенило Ли Сыцзян.

Рябой Ли поперхнулся, а потом сказал:

– Сестренка, очень мудрое замечание!

– Ли Сыцзян правильно сказала. Все именно так просто, – Цянь Сяохун снова перешла на хунаньский диалект.

– Выходим из автобуса! Выходим! Остановка «Маган»!

Автобус выплюнул трех пассажиров и на прощанье выпустил из выхлопной трубы столп черного дыма, от которого они чуть не задохнулись.

– Это что за место? – Девушки ошалело озирались.

Кругом воняло гнилью, колеса автомобилей поднимали желтую пыль, автомобильные развязки только-только выросли над широкими дорогами, а здания напоминали хаотично расставленные шахматные фигуры. Ли Сыцзян ни на шаг не отставала от подруги, а у Цянь Сяохун вскоре появилось чувство, будто она бродяжничает.

– Это Маган, пригород Шэньчжэня, сам Шэньчжэнь чуть подальше. – Рябой Ли ткнул в неопределенном направлении.

Девушки посмотрели в ту сторону, куда он показывал: сплошная серость, туман и больше ничего, что-то даже силуэтов небоскребов не видать. Ноги девушек устали и едва передвигались, пока они топали за Рябым Ли. Они прошли почти весь городок по диагонали и увидели, что посреди пустыря вырос какой-то белый навес и одноэтажные строения. Красные иероглифы на белой табличке гласили: «Пункт приема утильсырья». Ли Сыцзян приуныла:

– Только не это. Ты что, мусор собираешь, а нам все набрехал?

– Я только помогаю хозяину. Не стоит пренебрежительно относиться к хозяину пункта по приему утильсырья, он на мусоре разбогател, – сокрушенно вздохнул Рябой Ли.

Цянь Сяохун подумала, что слышала, как сборщики мусора строили себе маленькие дома, но представить не могла, что, перепродавая мусор, можно сколотить целое состояние. Глядя на подавленную Ли Сыцзян, Цянь Сяохун еще больше отчаялась и вслух произнесла:

– Как говорится, на какую гору взошел, такую и песню пой. Ли Сыцзян, давай для начала устроимся, а потом уж поговорим.

Девушки со всеми своими пожитками поплелись дальше по глинистой тропе мимо домика в западном стиле, затем пересекли небольшую площадку, снова повернули и оказались под временным навесом.

3

– Я же говорил, что сюда нельзя приводить посторонних на ночлег, штраф влепят! – отчитывал работниц здоровый мужик с квадратной головой. Он говорил на путунхуа с сильным кантонским акцентом и при этом переминался с ноги на ногу и махал руками, выражая своими конечностями все скопившееся раздражение.

На стене висела каллиграфия, даже не то чтобы каллиграфия, а написанные кистью от руки правила поведения в общежитии.

Рябой Ли осторожно обратился к здоровяку, размахивающему руками и топающему ногами, «начальник Чжуан», тот напустил на себя строгий вид, но когда оказалось, что Рябой Ли привел с собой двух юных девушек, лицо его озарилось светом, словно настольная лампа, но тут же слегка затуманилось.

– Заведующий Ли, рад снова видеть! Тут дел невпроворот.

– Начальник Чжуан, это мои землячки.

Как только лицо начальника смягчилось, Рябой Ли осмелел.

– О, добро пожаловать, добро пожаловать! Вы, на верное, устали. Отведи сначала девушек отдохнуть!

Баракы для рабочих были низкими и сырыми, в каждой комнатенке теснилось по трое-четверо, окна размером с тазы для умывания, кругом летали пластиковые пакеты всех цветов радуги. Рябой Ли числился заведующим, поэтому занимал отдельную комнату, в которой стояли кровать и небольшой столик и еще оставалось узкое пространство шириной в один шаг.

– Заведующий Ли, я только что распорядился, чтобы на кухне еще что-нибудь приготовить. Путь был неблизкий и трудный.

Только Цянь Сяохун и Ли Сыцзян присели на краешек кровати передохнуть, как вошел начальник Чжуан.

– Большое спасибо, господин Чжуан, доставили мы вам хлопот, – вежливо сказала Цянь Сяохун.

– Начальник Чжуан очень добрый, скоро узнаете, – подлизался Рябой Ли.

Чжуан прищурился, улыбнувшись и перекинувшись с ним парой дежурных фраз, а потом добавил:

– Если что, обращайтесь к заведующему Ли, ну, или ко мне.

Цянь Сяохун и Ли Сыцзян покивали. Начальник Чжуан, согнувшись, вышел. Рябой Ли рассмеялся:

– Начальник Чжуан всегда такой: мужикам нельзя оставаться ночевать, зато к девушкам относится очень приветливо. Вот оно, преимущество быть женщиной.

– Тьфу! Какое к чертям собачьим преимущество! Мне кажется, он просто похотливый и собирается к нам подкатить, вряд ли долго продержится. – Цянь Сяохун вертелась посреди комнатки.

– Ты права, Цянь Сяохун, но если ты его обидишь, то я вылечу с работы.

Цянь Сяохун фыркнула так, что изо рта брызнула вода, которую она только что отхлебнула.

– Ли Сыцзян, давай-ка ты его ублажай.

Личико Ли Сыцзян залилось краской, она-то решила, что ей и впрямь придется спать с начальником Чжуаном, растерялась и заперевивалась.

Кровать у Рябого Ли была как каменная. Перекусив, девушки улеглись на нее рядышком, но после сна все тело болело.

– Выспались, девочки? – проворковал Рябой Ли, входя в комнату.

– Да хрен бы! Эта кровать для спанья не приспособлена! Что, начальник тебя похвалил, что такой радостный? – Цянь Сяохун размяла поясницу и потянулась.

– Не знаю, хорошо это или плохо, но раз уж мы вместе сюда приехали, то связаны одной веревкой, и я от вас ничего не скрываю. Начальник Чжуан знает одну парикмахерскую, там сейчас сотрудницы не нужны, но он придумает, как кого-то из вас туда пристроить. А еще он попросил узнать...

– Что узнать?

– Узнать, девственницы вы или нет.

– А какое это имеет значение?!

– Цянь Сяохун, ты не понимаешь. У местных крестьян денег куры не клюют, и они очень разборчивы, специально ищут себе девственниц и могут отвалить кругленькую сумму за возможность, что называется, «распечатать».

– Рябой Ли, ты что творишь? Мы ж тебе не проститутки какие! – Цянь Сяохун вскочила, выпятив грудь, а Ли Сыцзян потянула ее за руку на место.

– Да не кипятись ты, Цянь Сяохун, все по взаимному согласию, никто не собирается тебя насиловать, ты сама решаешь, продаваться или нет, – увещевал ее Рябой Ли елейным голосом.

В этот момент снаружи донеслись чьи-то крики.

– Ах вы, хунаньцы, такие-сякие, мужики воры, бабы шлюхи, нет среди вас достойного! Надо расстрелять вас всех! – разорвалась на площадке перед баракom невысокая женщина, одной рукой прижимая к груди ребенка, а второй оживленно жестикулируя.

– Если ты собой будешь торговать, так никто не купит! Лучше сдохнуть и дело с концом! Грымза старая! – язвительно заметила худая и высокая девица в ночной рубашке с балкона на втором этаже.

Они какое-то время переругивались, а потом невесть откуда вылетел начальник Чжуан, влепил женщине с ребенком звонкую пощечину, и та с плачем скрылась из виду.

– А кровать-то у тебя крепкая? – спросила Цянь Сяохун у Рябого Ли. – Если втроем ляжем и ночью она под нами провалится, вот смеху будет.

Рябой Ли приподнял простыню:

– Глянь!

– Мамочки! Неудивительно, что она такая твердая. Если кто вечером решит с нами драться, то мы без проблем отобьемся, – хихикнула Цянь Сяохун.

– С кем это ты собралась драться во сне? – спросила Ли Сыцзян и тут же покраснела, а потом сказала: – Ложись в середине.

Сама же она легла вплотную к стене и замолчала.

– Рябой Ли, чур ночью руки не распускать, – сурово предупредила Цянь Сяохун.

– Да я даже дышать не буду! Хорошо еще на улице прохладно. Странно, что в июле пока не жарища.

Цянь Сяохун улеглась под одеяло на спину. Рябой Ли тоже устроился, оставив между собой и девушкой небольшой зазор. Цянь Сяохун подумала, что заняла слишком много места на кровати, и решила перевернуться, задумалась, что лучше – уткнуться огромной грудью в дурно пахнущие ноги Рябого Ли или в спину Ли Сыцзян, и выбрала лечь, прижавшись к теплой спине. Запах тела Ли Сыцзян смешивался с непонятным запахом из-под кровати Рябого Ли.

На следующее утро начальник Чжуан договорился, чтобы одну из девушек взяли в парикмахерскую. Ли Сыцзян не хотела идти одна, но не хотела и Цянь Сяохун отпускать, мол, во что бы то ни стало нужно держаться вместе, так что замысел Чжуана провалился, а раз провалился, значит, придется самим искать работу.

– Ли Сыцзян, слышишь кругом этот птичий язык, забавно, да?

– Непонятно ж ничего!

– Так выучим! Все можно выучить!

Девушки, держась за руки, сворачивали языки в трубочку, чтобы на путунхуа разрекламировать себя:

– Скажите, не нужны ли вам мойщицы?

– Опыт есть?

– Есть!

– Свидетельство о временной прописке есть? Нет? Дайте тогда на удостоверение личности взглянуть.

– Удостоверение личности?

– Да!

– У нас нету.

– А сертификат из центра контроля рождаемости?

– И этого нету. Мы только что приехали!

– Ни документов, ни жилья, ни работы? Если придут с проверкой, то вас загребут в полицейский участок и отправят в каталажку!

4

– Начальник Чжуан сегодня вечером приглашает вас обоих в караоке, – радостно сообщил Рябой Ли, его неприглядное лицо подергивалось.

– Караорки? А? Что-то новенькое, я о таком и не слыхала, – сказала Цянь Сяохун.

– Да, непонятное что-то. Может, от слова «орать»? А ты сам не пойдешь? – Ли Сыцзян любила ходить в людные места.

– Ха-ха! Там просто поют, ты там как звезда выступаешь, орешь, но в микрофон.

– Ох, Рябой Ли, думаю, все не так просто. Начальник Чжуан уже не в силах сдерживаться, так что Ли Сыцзян накликает на себя беду.

– Какое там! Начальник Чжуан на тебя глаз положил, постоянно пялился на твою грудь! Вы там сами блюдите! Короче, все это устраивают на лодке, там можно и выпить, и поесть, и попеть. Просто не провоцируйте его! Кстати, на работу-то устроились?

Цянь Сяохун ответила:

– Как раз собирались к тебе обратиться, чтоб ты помог нам получить свидетельство о временном проживании.

– Нужно к начальнику Чжуану обращаться, вот сегодня пойдете петь, он выпьет, повеселеет, тут вы и спросите про это дело.

– Попробую, хотя задача не из легких!

По совету Рябого Ли девушки надели самую лучшую одежду, слегка подкрасились и с тревогой отправились в непонятное «караоке». Ли Сыцзян особенно волновалась, постоянно то завязывая в узел, то развязывая шелковую косынку, которую теребила в руках.

– О, пришли, красавицы! – В отдельном кабинете горел неяркий свет, и такой же тусклой была улыбка начальника Чжуана. – Позвольте представить. Это глава нашего городского поселения, он мне часто помогает. – В голосе начальника Чжуана звенел неподдельный восторг, лицо его сияло.

На диване сидел мужчина лет шестидесяти, похожий на простого крестьянина, загоревший до такой степени, что лицо напоминало дно закопченной сковородки. Глядя на девушек, он глуповато улыбался и, не осмеливаясь рассматривать их в упор, курил, опустив голову.

«Раз этот глава поселения такой всемогущий, что смог помочь начальнику Чжуану, то наверняка сможет выправить нам свидетельства о временном проживании», – подумала Цянь Сяохун, подседа к нему поближе, налила вина и подала еще одну сигарету. «Глава» молча пил и молча курил.

– Ешьте! Ешьте! – Начальник Чжуан за ужином без конца оказывал знаки внимания Ли Сыцзян.

– Уже почти наелись, да и выпили изрядно, – сказала Цянь Сяохун – Давайте лучше вместе с вами споем, господин глава поселения!

Тот в ответ кивнул, встал из-за стола и снова пересел на диван. Официантка включила динамики, от громкого звука они чуть не оглохли, а на экране телевизора появилась девушка в купальнике на фоне пляжа. Начальник Чжуан поерзал, придвигаясь к Ли Сыцзян, она в смущении что-то ему ответила, но при этом отпрянула.

– Начальник Чжуан, давайте тоже идите сюда! – позвала Цянь Сяохун, спасая подругу, оказавшуюся в остром положении.

– Сначала вы спойте, сначала вы... – пробормотал начальник Чжуан, повернувшись; лицо его было красным, как у Гуань-гуна¹⁶.

Глава поселения умел петь. Он исполнил песню Терезы Тэн¹⁷ «Не рви придорожные цветы» в своей собственной редакции, да так, что дух захватывало и волосы дыбом вставали. Правда, он запыхался, пытаясь вытянуть гласные, но стал фальшивить, сбился с ритма и голосил наобум, не попадая в ноты.

– Очень, очень трогательно! – Цянь Сяохун по хлопала, налила ему чаю и угостила сигареткой.

Затем они вместе исполнили еще одну песню, после чего на диван подсели начальник Чжуан и Ли Сыцзян.

Цянь Сяохун решила, что почва уже подготовлена и можно поговорить с главой поселения. Она завела разговор, пока начальник Чжуан пел на кантонском диалекте песню Энди Лау¹⁸ «Время, проведенное вместе».

– Начальник Чжуан неплохо поет, а вы тоже часто упражняетесь в пении? – спросила Цянь Сяохун на ухо, повысив голос и что было сил пытаясь перекричать музыку.

Глава поселения покивал и согласился, что начальник Чжуан поет лучше него. Цянь Сяохун подумала: «Видать, он знает себе цену, честный человек. Может, если рассыпаться в комплиментах, то только делу навредишь». А вслух произнесла:

– Вы такой крепкий по части выпивки, пользуясь случаем, хочу с вами выпить еще.

Глава поселения вытянул левую руку, расставил пальцы и сказал:

– Вот столько!

– Полцзиня¹⁹? Мне слабо!

Да он что-то задумал!

Тут глава поселения опустил левую руку, ткнул в сторону Цянь Сяохун правой и сказал:

– Большие волны.

Цянь Сяохун не поняла:

– Что еще за волны?

– Ну, я про сиськи. – Глава поселения погладил себя по груди, а потом поинтересовался: – Баловалась с кем-нибудь?

Цянь Сяохун послышалось, что он сказал «миловалась», так на их диалекте называли поцелуй. Поцелуй – это же пустяки, не стоит и упоминания. Цянь Сяохун стало интересно, она специально стыдливо улыбнулась:

¹⁶ В китайской народной мифологии и в позднем официальном культе бог войны, а также бог богатства. В основе образа Гуань-ди реальный военачальник Гуань Юй (160–219 гг.), прославившийся бесстрашием. Часто изображается с красным лицом, поскольку, по одной легенде, родился уже с красным лицом, по второй – Гуань Юй, скрываясь от стражи, умылся из источника, и лицо его покраснело.

¹⁷ Тайваньская поп-звезда, широко известная в Азии.

¹⁸ Гонконгский певец, киноактер и продюсер, один из самых коммерчески успешных киноактеров Гонконга с 1990-х годов.

¹⁹ Полцзиня – около 250 г.

– Не скажу.

– У тебя такие большие волны. Понятное дело, что кто-нибудь уже успел на них покататься. – Он говорил таким тоном, каким крестьянин обсуждал бы урожай зерновых, без тени пошлости.

Цянь Сяохун распахнула свои лисьи глаза, такого выражения ей еще не доводилось слышать. Разговор вышел из-под контроля, о своем деле она так и не заикнулась, а раз уж речь зашла о ее сиськах, то обратной дороги нет. Цянь Сяохун заволновалась, решила выложить все карты на стол и выпалила:

– Господин, мы только что приехали к вам, и теперь нужна ваша помощь в одном деле.

– Каждый день кто-то приезжает и кто-то возвращается, здесь миграция населения усиленная, – пробормотал глава поселения, проглатывая звуки, а весь его облик излучал благожелательность.

– Говорят, тут у всех проверяют свидетельства о временном проживании.

– Иногда проверяют, иногда нет.

– Я хотела попросить вас сделать нам по свидетельству.

– Ты девственница?

– Я? – поперхнулась Цянь Сяохун.

– Я только девственницам помогаю.

Цянь Сяохун хотела спросить главу поселения, выдает ли он свидетельство о девственности, но проглотила эти слова.

5

Рябой Ли сидел развалившись и читал потрепанный журнал с похабными картинками. На окне колыхались на ветру трусы, которые он повесил туда просушиться, и зияющая в промежности дыра бросалась в глаза. При виде Ли Сыцзян Рябой Ли тут же сел прямо.

– Ой, сестренка, как ты покраснелась! Хорошо попели?

Ли Сыцзян, словно застала его за чем-то неприличным, осмелилась лишь искоса глянуть на ноги Рябого Ли.

– Я-то думал, что вы попозже вернетесь! – рассмеялся он, словно бы объясняя, почему сидит тут с раздвинутыми ногами. – Все уладили? – Рябой Ли повернулся к Цянь Сяохун.

– Да хрен там! Проблема в этом ублюдке, в этом борове! – Цянь Сяохун задыхалась от гнева.

– Эй, ты потише! Что конкретно сказал начальник Чжуан?

– Я напрямую переговорила с главой поселения.

– Сяохун, а вот это ты зря! Начальник Чжуан хоть и похотливый, но сердце у него мягкое, как лепешка из клейкого риса. – Рябой Ли отшвырнул журнал. Ему стало жаль девушек.

– Сколько речушке не виться, а в море впадет. Ведь начальнику Чжуану все равно в итоге придется просить этого главу поселения, с виду такого доброго, а? Я хотела пойти по окольной дорожке, кто ж знал, что этот боров признает только девственниц?! Но даже если бы я была девственницей, я бы с ним ни-ни! Зря только весь вечер улыбалась ему!

– Цянь Сяохун, раз он сказал, что не будет делать, то теперь и начальник Чжуан помочь не сможет, – покачал головой Рябой Ли.

У Ли Сыцзян от вина щеки покраснелись, а глазки прямо так и сверкали, она молчала, нервно присаживалась, вскакивала и снова присаживалась.

– Сестренка, не волнуйся ты, ложись спать, завтра что-нибудь придумаем.

Ли Сыцзян боялась, что угроза попасть в каталажку реальна, а слово «каталажка» звучало так же устрашающе, как «бордель».

– Ли Сыцзян, у тебя уже есть план? – спросила Цянь Сяохун.

– Я... я... – Ли Сыцзян переводила взгляд с Цянь Сяохун на Рябого Ли и обратно с такой скоростью, будто стрекоза скользит по воде, а лицо раскраснелось еще сильнее.

– Да не беспокойся ты. Поживи здесь пару деньков, а я схожу на разведку, если не вернусь, значит, что-то случилось. Не верю, что мы такой долгий путь преодолели и тут заклинит. Рябой Ли еще подождет пару дней, может, еще начальник Чжуан подключится, в любом случае, как говорится, еще не истощились горы и не иссякли воды²⁰, а если считать, что мы и впрямь испробовали все способы, тогда сейчас как раз переломный момент. – Цянь Сяохун готова была идти напролом, чтобы завершить начатое.

– Сяохун, ты просто не знаешь. Начальник Чжуан без конца хватал меня за руку, а я уворачивалась.

– Ли Сыцзян, ну пощупал бы он тебя, делов-то, может, ему бы так понравилось, что он решил бы нашу проблему. Ты, в конце концов, уже не девственница, зачем блюсти себя со всей строгостью-то?

– Сяохун... дело в том... что я девственница.

– Что?! Разве не ты мне той ночью рассказывала...

– Я тебе наврала, боялась, что ты меня засмеешь, мол, такая взрослая, а еще ни с кем ни-ни!

Цянь Сяохун сказала:

– Ли Сыцзян, что за странные вещи тебе на ум при ходят?

– Сяохун, мне нужно сходить к главе поселения и добыть нам эти свидетельства о временном проживании! – наконец выпалила Ли Сыцзян то, что придумала.

– А?! Да ты рехнулась! Спать с этой свиньей! Да лучше б ты Рябому Ли дала!

Тут Рябой Ли аж подпрыгнул от испуга, заволновался и совсем пал духом. Он сказал:

– Цянь Сяохун, а почему бы тебе самой не продать да не убажить этого борова?

Они еще какое-то время жарко спорили, но так ни к чему и не пришли. Слова Цянь Сяохун, что Ли Сыцзян «лучше бы Рябому Ли дала», направили мысли Ли Сыцзян и Рябого Ли на игривый лад. Всю дорогу Рябой Ли звал девушку «сестренкой», чем смущал, а сейчас и вовсе сердце зашло.

– Нет таких мостов, которые нельзя перейти! – бросила Цянь Сяохун, потом повернулась лицом к стене и уснула мертвым сном.

Ли Сыцзян и Рябой Ли переглянулись, а потом оба посмотрели на пустую половину кровати. Личико девушки, по форме напоминавшее яблочко, порозовело от ушей к щекам, а потом густо покраснело, и на нем явственно отразились все душевные переживания. Рябой Ли понимал, что сестренка взволнована, но решил не торопить события. Если, не успев подержаться за руки, сразу прыгнуть в постель, то нарушится последовательность, в которой развивается любовь. Рябой Ли привез двух этих юных девушек в надежде угодить начальнику Чжуану, и если бы одна из них стала его любовницей, то положение Рябого Ли в пункте по приему вторсырья укрепило бы вплоть до того, что на какое-то время он стал бы неприкосновенным. У Рябого Ли имелся еще один план, а именно: перейти на фабрику начальника Чжуана по производству игрушек, занять там место генерального директора или что-то типа того, там он вращался бы в обществе двух сотен работниц и пользовался бы благосклонностью девушек классом повыше, чем сейчас. Рябой Ли выбрал Цянь Сяохун именно потому, что видел, что она легкомысленная и кокетливая, но не думал, что она настолько энергичная, колкая и ее так сложно держать в узде. Ли Сыцзян безоговорочно слушалась Цянь Сяохун, у них, как говорится, на двоих одни штаны²¹. Стоит только Цянь Сяохун согласиться, и Ли Сыцзян тут же без разговоров переспит с главой поселения, право первой ночи фактически находится в

²⁰ Образное выражение, которое означает, что все средства исчерпаны, а положение безвыходное.

²¹ Образно о близких отношениях, когда люди делят радости и невзгоды и полностью единодушны во мнениях.

руках Цянь Сяохун и перейдет в распоряжение самой Ли Сыцзян лишь от нее. Рябой Ли думал: «Осмелюсь ли я что-то предпринять?» Нужно дождаться, когда они истратят все деньги, тогда все пойдет как по маслу. Проблема в том, что Рябой Ли не знал, сколько конкретно денег привезла Цянь Сяохун в Шэньчжэнь. Он взял потрепанный журнальчик и притворился, что листает. Ли Сыцзян тихонько забралась на кровать, съезжилась под одеялом так, что напоминала издали кучу мусора, никаких тебе соблазнительных поз, и спала чутко и настороженно, совсем не как в поезде, когда она дрыхла без памяти.

Ночью Цянь Сяохун проснулась. Ей показалось странным, что на кровати столько пустого места, а потом она почувствовала рядом какое-то шевеление и тут же поняла, что происходит. Твою ж мать! Вот ведь Рябой Ли! Говорят же, что башня возле реки первой видит луну. Лезет к Ли Сыцзян, понятное дело, не преминул воспользоваться случаем, мелочная душонка! Цянь Сяохун про себя ругалась, но лежать было невтерпез из-за переполненного мочевого пузыря, хотелось в туалет, но она не осмеливалась встать. Только когда возня прекратилась, Цянь Сяохун перелезла через две больших горы, долго журчала в уборной, опорожнила мочевой пузырь, вернулась в постель, но так и не смогла сомкнуть глаз до утра.

6

Цянь Сяохун встала рано, умылась, подкрасилась, поправила одежду и двинулась в город. Мимо нее прошла толпа мужчин и женщин в синей холщовой униформе с красными надписями на нагрудных карманах, со стороны похожих на заключенных, отправленных на трудовое перевоспитание. Они жевали пампушки, полоски жареного теста или печенье и, словно волны, накатывавшие друг за другом, исчезали за железными воротами. Цянь Сяохун потопталась у ворот и заглянула внутрь.

– Тебе кого? – строго спросил ее охранник. Форменная одежда придавала ему внушительности.

– Никого. Вам тут работники не нужны?

– Лет тебе сколько?

– Семнадцать.

– Откуда?

– Из Хунани.

– Когда приехала?

– Недавно.

– Где живешь?

– У земляка.

– Что умеешь делать?

– Все, что другие умеют, то и я умею.

– Нам сейчас сотрудники не нужны.

– Если не нужны, зачем задавать столько вопросов? – вспылила Цянь Сяохун.

Она честно отвечала на все, а этот тип от скуки решил над ней позабавиться. Цянь Сяохун чуть было не выплеснула вчерашнюю бессильную обиду, но внезапно вспомнила, что у нее нет свидетельства о временном проживании, если начнет ругаться с охранником, то ее могут и в полицейский участок увезти. Цянь Сяохун опустила голову, искоса бросила на охранника злой взгляд, словно бы говоря: «Погоди у меня!» Охранник растерялся и испугался, что Цянь Сяохун как-то связана с местной шпаной, а местную шпану даже полиция и начальство уважают, поэтому он тут же захихикал:

– Ты просто симпатичная, захотелось с тобой поболтать. Правда только что приехала?

Цянь Сяохун зажмурилась на пару секунд, а когда снова открыла глаза и выразительно уставилась в лицо охраннику, сложно было сказать, что это – гнев или презрение. Словно бы таким образом она втайне может выведать у него какую-то информацию.

– Сестренка, ты не сердись. Я ведь тоже сюда устроился на временную работу. Не могу с тобой долго трепаться, если начальник увидит, то уволит. А ты езжай в Фуань, там есть фабрика под названием «Счастливая утка» по производству женских сумок, там как раз требуются работницы. Отсюда чуть больше десяти ли, доедешь напрямую на автобусе. Мне про эту фабрику земляки рассказывали.

Охранник ткнул пальцем туда, где нужно садиться на автобус. Когда Цянь Сяохун посмотрела в том направлении, куда он показывал, то поняла, что речь о том самом месте, где они недавно сошли с автобуса.

Цянь Сяохун повернула голову и криво улыбнулась охраннику, типа так и быть, не будет с ним спорить.

Ехать или не ехать? Цянь Сяохун пнула камешек, так что он откатился. Думала она, думала, и вдруг чья-то рука схватила ее за грудь. Девушка испугалась, а потом увидела, как от нее со всех ног удирает низкорослый мужичонка в костюме западного покроя и белых кожаных ботинках. Пока она стояла с остолбенелым видом, глядя ему вслед, он усвистал уже далеко, и вдруг Цянь Сяохун прыснула: вот ведь ничтожество во всех смыслах слова! Среди бела дня схватить за грудь, а потом в панике удирать! Даже непонятно, чего добилась эта свинья. Странное это место, если бы дело происходило вечером, то можно и на насильника напороться. С такими мыслями девушка, прикрывая грудь, поспешила к остановке автобуса.

День выдался ясный и солнечный. Кондуктор высунул руку из окна и стукнул кулаком по двери, чтобы она открылась. Автобус тащился по маленьким поселкам, шараясь от людских толп, а скорость набирал, только выезжая на широкие дороги. Цянь Сяохун потеряла счет времени, не понимая, сколько уже проехала. Раздолбанный автобус всю дорогу запускал одних пассажиров и высаживал других, то и дело трогался, а потом останавливался и снова трогался, словно свадебный кортеж с невестой. Из-за резкого торможения и запаха топлива Цянь Сяохун укачало так, что внутренности перевернулись вверх дном, вдобавок она не завтракала. Вчера она выпила и немного поела, но все это переварилось, пока она горланила в караоке, поэтому теперь Цянь Сяохун постоянно мучила отрыжка зеленой желчью, и горло издавало неприглядные звуки. Пассажиры смотрели на пейзажи за окном, кемарили или курили. Двигатель стучал, сжигая дизельное топливо и испуская во все стороны черный дым.

– Фуань! Приехали! Вылазьте! – крикнул кондуктор.

Цянь Сяохун тошнило так, что лицо аж позеленело. Автобус остановился.

– Дальше в Шэньчжэнь? – поспешно спросила Цянь Сяохун.

– Разумеется!

Она не готова была сейчас выйти из автобуса.

– Доплачивай!

– Сколько стоит?

– Пару юшек!

– Э... что?

– Два юаня! – Кондуктор перешел на путунхуа и вдобавок показал два пальца для пушей наглядности.

Цянь Сяохун вытащила деньги.

– Контрольно-пропускной пункт! Выходите из автобуса, готовьте пропуска! Автобус будет ждать вас вон там! – заорал кондуктор во все горло.

– Какие еще пропуска? – снова смешалась Цянь Сяохун.

– Чтобы попасть в Шэньчжэнь, нужно иметь пропуск в погранзону²². У тебя есть? Цянь Сяохун, опешив, покачала головой.

– Тогда вылезай из автобуса и езжай обратно!

Стоило прозвучать словам кондуктора, как автобус захлопнул двери и двинулся в сторону проезда, обозначенного табличкой «Только для автобусов».

Гребанный пропускной пункт! Цянь Сяохун зло блеснула глазами, глянув в сторону Шэньчжэня, и тут в поле зрения возник парень в сером костюме.

– Девушка, перепихнемся? – Его тело качнулось навстречу, а взгляд вперился в грудь Цянь Сяохун.

– Чё? – спросила Цянь Сяохун на ходу.

– Перепихнемся? Не понимаешь что ли? Ну, побалуемся? – Парень не спешил, но при этом не отставал ни на шаг, а от его голоса веяло жаром.

Цянь Сяохун вспомнила, что это же слово произносил глава поселения, и смутно поняла, о чем речь. Она хотела рассмеяться, смерила парня странным взглядом, покачала головой и быстрой походкой пошла прочь.

Она то и дело спрашивала дорогу, но прохожие показывали в разные стороны, отчего голова шла кругом. Фабрика «Счастливая утка» пряталась среди густой застройки, словно мужчины с импотенцией, простатитом и сифилисом в толпе здоровых. Читая на электрических столбах и автобусных остановках кучу рекламы всякой дряни, Цянь Сяохун почувствовала, что в мире царит страшный беспорядок, словно бы в мгновение ока повылезало множество диковинных болячек.

– Тебе куда? – Какой-то парень на мотоцикле преградил путь Цянь Сяохун, поставив мотоцикл по диагонали. Шлем закрывал смуглое лицо.

– На фабрику «Счастливая утка», знаешь, где это?

– Знаю-знаю. Садись! Подвезу!

Цянь Сяохун ощущала себя муравьем, свалившимся в котел, который никак не мог выбраться, у нее уже подкашивались ноги, так что при этих словах она так растрогалась, что чуть не разревелась. Мотоцикл рванул с места и запетлял по улочкам и переулкам, у Цянь Сяохун аж в глазах зарябило.

– Приехали!

– Спасибо! Правда! Большое спасибо! – с этими словами Цянь Сяохун повернулась, чтобы идти.

– Эй? А заплатить? – На смуглом лице блеснули безумные глаза Ли Куя²³.

– А? Платить надо?

– Разумеется. Десять юаней!

– Что?! Десять юаней? Ты меня надуть хочешь!

– Столько и стоит! Давай быстрее! Не задерживай меня. Ну, или давай найдем местечко, перепихнемся разок, тогда десять юаней прощу тебе. – Мотоциклист бесцеремонно высверливал взглядом дырку на груди Цянь Сяохун.

– Сукин ты сын! Чтоб тебя! Это ж обдираловка среди бела дня! На хрена я только встала спозаранку! – В потоке ругани проскальзывали и слова родного диалекта.

Но делать нечего, пришлось достать деньги, после чего девушка рассерженно потопала к воротам фабрики «Счастливая утка», где столпилось около сотни человек, обступив ворота плотным кольцом. Перед ее глазами колыхалось море черных голов.

– Набирают рабочих?

²² Действие книги происходит в 1990-е годы, до возвращения Гонконга под управление Китая.

²³ Герой классического романа «Речные заводы», огромный свирепый мужчина с буйным нравом, его отличительная черта – смуглая кожа.

- Угу. Но вроде как всего тридцать человек.
- А?
- Сейчас все стоят в очереди, чтобы приобрести бланки и заполнить заявления.
- А потом чё?
- Ждать зачисления на работу.

Цянь Сяохун завела беседу со стоявшими у ворот людьми.

Во время обеденного перерыва очередь не расходилась. Цянь Сяохун тоже не осмелилась уйти, так и простояла до заката, чтобы потратить два юаня и купить бланки, в один из которых она от балды вписала дату рождения Ли Сыцзян. Через неделю будут известны результаты, на воротах вывешат список. Вашу мать! Похлеще, чем столичные экзамены²⁴ сдавать!

Обратно Цянь Сяохун вернулась уже затемно. В маленьких окошках барака горел свет, жалкий огонек, словно сокрушенно вздохавший о недостижимости роскоши, совсем как Рябой Ли, который спал рядом с девушками, но вел себя чинно и благородно, полностью подавляя свою природу. Сколько за этим спокойствием скрывалось желаний и тревог! И все-таки достичь роскоши далеко не так просто, как овладеть женщиной. Сколько уже Рябой Ли в Шэньчжэне? А все еще здесь ютятся! С Ли Сыцзян познакомился всего ничего и уже ее окучил. А окучивал-то он ее девственность! Девственная плева – это вообще что такое?! Да считай ничего! Вот пробил Рябой Ли эту перегородку, и грош ей цена, лучше уж было продать за восемь-десять тысяч, так хоть что-то. Если Рябой Ли лишил ее девственности, то плева эта просто кусок кожи, не больше. Цянь Сяохун огорчалась за подругу, что та продешевила, а Рябой Ли поживился.

7

Ли Сыцзян в бараке не оказалось, а Рябой Ли сидел в оцепенении на кровати. Глаза его ввалились, под ними появились темные круги, как у панды – национального достояния Китая, понятное дело, потому что вчера он провел ночь без сна. При виде Цянь Сяохун Рябой Ли закатил глаза так, что белки показались, а потом поспешно принял нормальную позу и выражение лица.

– А где наше Яблочко? Погулять пошла? – торопливо спросила Цянь Сяохун, не потрудившись даже стереть пыль с лица. – Как бы ее не заграбастали!

– Она... она пошла к начальнику Чжуану... – нерешительно промямлил Рябой Ли.

– Что от нее надо этому развратнику? А ты чего такой спокойный? – Цянь Сяохун решила, что ему неловко из-за своего поведения накануне вечером.

– А почему бы мне не быть спокойным? Ли Сыцзян же не моя! – произнес Рябой Ли, растягивая слоги.

– В смысле? Не твоя? А какого черта ты вчера вечером распускал руки? Ты вообще нормальный человек?

– Если бы я был ненормальный, то давно переспал бы с ней! Если бы я лежал рядом с двумя бабами и не мучился, это значило бы, что со мной что-то не так. Да я ночью даже не раздевался, спроси у Ли Сыцзян!

– Ах... – Тут Цянь Сяохун внезапно озарило. – Так ты просто проводил с ней сексуальное обучение?!

– Цянь Сяохун, если ты еще хоть слово скажешь в том же духе, то я реально с ума сойду. Я тебе скажу без обиняков, что всю ночь фантазировал про вас обеих. Пусть я и малообра-

²⁴ Речь о кэцзюй, системе государственных экзаменов в Китае для получения ученой степени и права поступления на должность, которая существовала до 1905 года; считается крайне бюрократизированной.

зованный парень, но вел себя как подобает благородному человеку, как гребанный импотент Люся Хуэй²⁵.

Цянь Сяохун снова тихонько ахнула.

– Вот уж не думала, что навлеку на тебя подобные неприятности.

– Да я сам виноват, что унесся мечтами черт-те куда. Но ты вот честно скажи, когда рядом с тобой лежит мужик из плоти и крови, у тебя не появляются всякие мыслишки?

Цянь Сяохун растянула губы в улыбке:

– Ты этот вопрос лучше Ли Сыцзян задай. Она ж к тебе ближе лежит.

– Если ты не хочешь говорить, то она и подавно не станет, – помрачнел Рябой Ли.

– Чего я не стану? – До них долетел голос Ли Сыцзян, послышались сбивчивые шаги.

Рябой Ли тут же принялся с глупым видом листать журнал, а Цянь Сяохун украдкой хихикнула.

– Где была?

Ли Сыцзян достала из кармана две маленькие зеленые книжечки.

– Это что такое?.. О! Свидетельства? – Цянь Сяохун заметила золотое тиснение, и в третий раз у нее расширились глаза, в этот раз сильнее всего, почти вылезли из орбит.

– Ага, – коротко ответила Ли Сыцзян. На лице ее застыло спокойствие, как у малыша, который впервые сам надел носочки. Она обрела самостоятельность, да и веры в себя прибавилось, маленькие глазки уже не выглядели растерянными, как прежде.

Рябой Ли взял у нее свидетельство, повертел с одервенелым лицом и вернул.

– Начальник Чжуан выправил? – Цянь Сяохун понимала, что тут что-то нечисто.

– Я сходила к начальнику Чжуану, а он отвел меня к главе поселения, тот и помог.

– Помог? Он тебя... Ли Сыцзян, ты что наделала! – И без того красные глаза Цянь Сяохун покраснели еще больше. – Почему ты со мной не обсудила? Мы бы что-нибудь придумали!

– Сяохун, я видела, как сегодня на улице схватили целую кучу народа. А девственность – это что такое? Я даже не чувствую, что чего-то лишилась. А завтра проснемся и будем свободны!

Цянь Сяохун не могла найти связь между «девственностью» и «свободой», эта аналогия смутно казалась парадоксальной, однако результат был налицо. Девственность оказалась очень даже важной для всего, кроме настоящей любви.

В ночи до них долетали звуки ругани вперемешку с громким светом, а в их комнатенке слышалось лишь дыхание трех человек, каждый из которых молча скорбел по девственности Ли Сыцзян. Цянь Сяохун горевала, Рябой Ли был раздосадован, а сама Ли Сыцзян практически не испытывала никаких сожалений. Рябой Ли был раздосадован и еще по одной причине: он мог бы с удовольствием лишить девушку девственности, хотя цена и смысл были бы несравнимы с получением свидетельств о временном проживании. Цянь Сяохун горевала, потому что не хотела доходить до такого. Ли Сыцзян сидела опустив голову, ничем не прикрытая лампочка на потолке освещала полоску кожи, где проходил пробор в волосах, а вот выражения лица не было видно. Кап-кап-кап! Слезы капали на туфли из искусственной кожи, смывали с них серую пыль, оставляя черные полоски. Ли Сыцзян поджала ноги, и теперь слезы беззвучно падали на пол. Она то и дело ерзала, ей явно было неудобно сидеть. Цянь Сяохун понимала, что Ли Сыцзян сейчас больно, поэтому поднялась и, взяв пластиковое красное ведро, сходила за водой, выпятив грудь больше обычного и от обиды и злости громко шаркая по цементному полу. Потом она с тем же шаркающим звуком вернулась и поставила полное ведро с глухим стуком.

²⁵ Знаменитый мудрец эпохи Чуньцю, прославившийся своим добродетельным поведением. По легенде, он провел ночь с женщиной, но так и не нарушил рамки дозволенного, с тех пор его имя стало обозначением для мужчины высоких моральных качеств.

– Рябой Ли, где кипяtilьник? – запыхавшись, спросила она.

Рябой Ли вытащил из ящичка медную штуковину и опустил один конец в ведро, а вилку воткнул в розетку. Вода в ведре тут же забулькала.

– Яблочко, сейчас вода нагреется и помоешься, если что – еще нагреем.

– Одного ведра явно мало, пойду одолжу еще кипяtilьник. – С этими словами Рябой Ли вышел за дверь, причем волочил ноги так, будто пахал без продыху три дня и три ночи.

– Сыцзян, ты хоть предохранялась?

На полу прибавилась еще одна тень от головы, поскольку Цянь Сяохун уселась рядом с подругой под лампочкой.

– В смысле предохранялась? Я не знаю.

– Ну... этот боров презерватив надевал?

Ли Сыцзян покачала головой, уставившись на тени на полу.

– А когда у тебя «эти дни» были?

– Дней восемь назад, может, девять.

– Опасный период! А этот боров тебя и не спросил?

– Не-а, а в каком смысле опасный? – Ли Сыцзян забеспокоилась, широко открыв покрасневшие глазки.

– Ты видела, как размножаются свиньи? Присунет боров свиноматке, и та уже с поросятами, живот так и прет!

– Что?! – Ли Сыцзян резко выпрямилась, потом погладила себя правой рукой по животу в ужасе, что у нее там завелись поросята.

– Да не суетись ты так! Может, этот старикан уже стреляет холостыми. Не паникуй, Сыцзян, вряд ли тебе так не повезет.

– Угу, – пробормотала в ответ Ли Сыцзян, но на душе тяжким грузом лежал камень. – Вот, возвращаю. Он мне дал три тысячи юаней.

Девушка расстегнула кофту, достала из внутреннего кармана пачку денег и отсчитала пять купюр Цянь Сяохун, но та оттолкнула ее руку:

– У меня есть. Оставь себе.

– Ты чего творишь, Цянь Сяохун? Гнушаешься, что деньги грязные?

– Грязные? Черт! Сыцзян, да это самые чистые в мире!

– Тогда почему не берешь?

– Говорю ж, у меня есть, если потребуется, тогда попрошу у тебя.

– Угу. Сяохун, я хотела подзаработать и научиться стричь, чтоб самой открыть парикмахерскую и не мыть больше башку никому. А может, вместе откроем самый большой салон в городе? – Ли Сыцзян сунула деньги обратно в карман.

– Отличная идея. Сами будем начальницами, пригласим несколько мойщиц. Будем сидеть нога на ногу, а нам никто не посмеет и слова сказать.

Они еще некоторое время болтали и хихикали, склонив друг к другу головы. Вошедший с кипяtilьником в руке Рябой Ли при виде этой сцены остолбенел.

Ли Сыцзян быстро перестала смеяться и искоса бросила взгляд на Рябого Ли. Цянь Сяохун взяла ведро, снова шаркая вышла из комнаты и очень долго не возвращалась.

8

Начальник Чжуан подсматривал в щелку, как всегда делал. В полдень в бараке осталась только Цянь Сяохун. Она листала тот самый зачитанный до дыр журнал со знойной красоткой на обложке, с которым не расставался Рябой Ли. Грязный журнальчик, какими торгуют с лотка. Мужик скоро тридцатник, а он такими штучками утешает плоть и душу, разве можно не расстраиваться? На самом деле Рябой Ли заслуживает сожаления. Когда он приезжал в родные

места, то делал вид, что ведет красивую жизнь. Кто ж знал, что жизнь-то его вовсе не так хороша? Может, дома как-нибудь устроился бы, завел бы себе жену и детей, всяко лучше, чем день-деньской пялиться на красотку с обложки. От этих мыслей ее отвлек начальник Чжуан.

– А²⁶-хун? Ты шо тут одна?

Начальник Чжуан произнес «что» как «шо», а на его квадратном лице отразилось изумление. Цянь Сяохун пригласила его присесть. Начальник Чжуан примостил свой зад на кровати, бок о бок с Цянь Сяохун.

– Рябой Ли и А-цзян пошли за покупками, скоро вернутся. – Цянь Сяохун боялась, что начальник Чжуан начнет распускать руки, и соврала, на самом деле Рябой Ли и Ли Сыцзян только-только ушли.

– А-Хун, ты привыкла? Трудности есть? Такой юной девушке уехать из дома очень нелегко, – нежно ворковал начальник Чжуан.

– Спасибо вам, господин начальник. Подзадержались у вас, но мы уедем как можно быстрее. – В душе Цянь Сяохун словно бы зажегся фонарик.

– А-Хун, ты меня неправильно поняла. Я не к тому!

Начальник Чжуан строил глазки, и выражение его лица прямо-таки кричало, что он обманывает сам себя, как говорится, закрывает уши, воруя колокольчик, а пока говорил, то еще подвинул зад в сторону Цянь Сяохун. Цянь Сяохун сразу все поняла, а про себя подумала: «Вот ведь эти мужики сорока-пятидесяти лет! Выкидывают такое перед молодыми девчонками. Если бы понимали, что со стороны все их замыслы видны насквозь, так со стыда сгорели бы». Рябому Ли еще здесь жить, да и сама она, как-никак, тут обосновалась, да и, можно сказать, начальник Чжуан помог им. Цянь Сяохун притворилась, что не видит всей этой возни, не стала отодвигаться, а с улыбкой сказала:

– Начальник Чжуан, вы действительно хороший человек.

Начальник Чжуан просиял, с глуповатым видом пододвинул зад еще немного, почти вплотную к девушке, потом вытянул правую руку и положил на ее правое плечо, а левой рукой сунул две банкноты номиналом в пятьдесят юаней.

– А-Хун, возьми, если возникнут сложности, то обращайся!

Черт! Цянь Сяохун выругалась про себя. Начальник Чжуан показался ей более омерзительным, чем глава поселения. Тот хоть в лоб говорил правду, а этот старый лис юлит, а ведь хочет-то уложить ее в постель! Она не собирается проглатывать наживку и попадаться на крючок, как глупая рыба.

– Я... Начальник Чжуан... – Цянь Сяохун специально напустила на себя сконфуженный вид.

– А-Хун, бери-бери! – начальник Чжуан настойчиво совал деньги в руку девушки.

Роста он был маленького, так что ручки были коротенькие, правой рукой он хотел обнять Цянь Сяохун, да не мог дотянуться до плеча, как ни старался. Цянь Сяохун притворилась, что ничего не понимает, помявшись, приняла эти две банкноты и снова повторила, что начальник Чжуан – очень хороший человек, а потом специально встала, чтобы переложить деньги в сумочку, решив таким образом вырваться из его цепких лап.

– Ой, господин начальник, вы так красиво пишете, я видела те правила общежития – исключительно красивый почерк! Вы изучали каллиграфию?

На самом деле чушь собачья, потому что иероглифы были такими же квадратноголовыми, как и сам начальник Чжуан, с коротенькими ручками и ножками. Расчет был верен: начальник Чжуан и впрямь гордился своей каллиграфией. Он тут же разулыбался так, что глаза превратились в узкие щелочки, и сказал:

²⁶ Префикс личных имен, прозвищ, фамилий.

– Я в детстве мечтал стать каллиграфом, но семья была совсем нищая, так что даже школу не закончил.

– Так вы самоучка? Очень необычные иероглифы!

Цянь Сяохун произнесла еще несколько льстивых фраз, хотела более детально проанализировать написанное, но на ум ничего не пришло. Она раскаивалась, что слишком мало училась, не уболтать ей начальника Чжуана, время потянуть не получится.

– Ой, господин начальник, у меня живот прихватило, посидите тут немножко!

Цянь Сяохун с шумом отмотала себе туалетной бумаги и помчалась в туалет, а когда вернулась, начальник Чжуан уже ушел. Рябой Ли курил, Ли Сыцзян мыла яблоко. Цянь Сяохун бросилась на кровать, закрыла рот одеялом и громко расхохоталась, отчего Рябой Ли и Ли Сыцзян обменялись растерянными взглядами.

– Твою ж мать! Проторчала в туалете полдня, хотя не хотела ни по-большому, ни по-маленькому. Ох и натерпелась я. – Цянь Сяохун пересказала, что только что случилось, и прокомментировала: – Если бы я не взяла эти деньги, а отвергла их, словно девственница, и начальнику Чжуану пришлось бы умерить свой пыл, то тебе, Рябой Ли, не сладко бы тут пришлось.

– Сяохун, вот умеешь же ты наперед все просчитывать! – Ли Сыцзян протянула ей яблоко.

– Сыцзян, собирай вещи, завтра отчаливаем. – Цянь Сяохун с хрустом откусила от яблока здоровенный кусок.

– А? Завтра?

– Угу. Если не уедем, то начальник Чжуан урежет Рябому Ли зарплату.

Часть третья ПРИКЛЮЧЕНИЯ В «ТРОЙНОМ СОПРОВОЖДЕНИИ»²⁷

1

– Ли Сыцзян, глянь-ка, десять юаней за ночь. – Цянь Сяохун, словно утка, вытянула шею, огляделась по сторонам и в итоге нашла дешевое место.

– Которое? Которое? – У Ли Сыцзян глазки были меньше, так что и обзор был не таким широким, как в притче про слепцов, шупающих слона²⁸, она кричала, не разобравшись толком.

– Вон! Гостевой дом «Чуньлай»! – Цянь Сяохун ткнула пальцем в неприглядную вывеску.

Девушки некоторое время толклись под вывеской, поскольку оттуда в разные стороны расходились несколько дорожек, и они не понимали, какая конкретно ведет к гостевому дому. На вывеске была нарисована красной краской жирная стрелка направо, острие которой было слегка закругленным.

– Ха-ха-ха! Ли Сыцзян, тебе это ничего не напоминает? – расхохоталась Цянь Сяохун.

Ли Сыцзян в недоумении посмотрела на наконечник стрелы, почесала рукой живот, немного подумала и ответила:

– Напоминает стрелу.

– Вот рассмешила! – Цянь Сяохун щелкнула подругу по носу, но побоялась испортить ей настроение, так что не стала говорить «не напоминает ли кое-что в штанах у главы поселения».

– Хотите поселиться? Идемте со мной! – блеснула улыбкой хозяйка гостевого дома.

С первого взгляда она казалась молодой и красивой, а со второго вроде как и не такой уж молодой, про таких говорят «увядший цветок и засохшая ива» – непонятного возраста. Рот был густо накрашен красной помадой, а веки подведены двумя тонкими черными линиями, Цянь Сяохун только потом поняла, что это татуировка.

– Десять юаней за ночь?

– Да! Ни фэня²⁹ больше!

– Мы хотим посмотреть!

Цянь Сяохун потащила Ли Сыцзян за руку, они вслед за внушительной задницей женщины повернули несколько раз, вышли на какую-то глухую улочку, перешли через узкий темный проулок, а потом по деревянной лестнице поднялись наверх, громко стуча каблуками.

– Точь-в-точь как наша старая общага. Кровати двухэтажные. Сколько человек в комнате, хозяйка?

– Пять. Если хотите вдвоем, то тридцать. Какую выберете комнату?

– На пятерых.

Ли Сыцзян тут же положила свою сумку на кровать, словно боялась, что на эту койку станет претендовать кто-то еще. Хозяйка взяла оплату и ушла, покачивая большим задом.

– Ой, духами пахнет! – Ли Сыцзян повела носом.

²⁷ «Тройным сопровождением» называют девушек, которые работают в ночных развлекательных заведениях и обязаны разговаривать, пить и танцевать с клиентами, а зачастую также предлагают услуги интимного характера.

²⁸ Притча рассказывает о слепых, которые, ощупывая слона, высказывали самые различные предположения, что бы это могло быть; выражение употребляется образно об узости взглядов, в данном случае автор употребляет его скорее буквально, говоря об узком поле зрения героини.

²⁹ Минимальная денежная единица, равная 0,01 юаня.

В комнате был ужасный бардак, но при таком тусклом освещении грязи не видать.

– Еще и москитная сетка висит. Очень странно.

– Зимой комары еще более лютые, вот поселишься, тогда уразумеешь, – раздался женский голос, причем на родном для Цянь Сяохун диалекте.

Цянь Сяохун уставилась на Ли Сыцзян.

– Это ты только что сказала?

– Нет. Разве не ты?

– Нет!

Они обе остолбенели.

– Да я это сказала!

С верхней койки высунулась из-за москитной сетки взлохмаченная голова, личико было красивым, но сонным.

Ой! Какая миленькая девушка! Но почему такая милашка дрыхнет посреди бела дня? Цянь Сяохун поразилась и заподозрила неладное, а Ли Сыцзян просто тупо вылупилась на незнакомку.

– Вы чё сюда приперлись, а? Мой вам совет – валите домой! – проговорила красотка томным голосом, а потом ее голова снова исчезла за москитной сеткой.

Эти слова очень озадачили девушек.

– Слышьте, я сплю! Не галдите! – раздался еще один женский голос, но говор был каким-то непонятным.

У Ли Сыцзян громко заурчало в животе. Цянь Сяохун выпятила свои округлости, расправила плечи и тихонько сказала:

– Ли Сыцзян, по крайней мере тут дешево, давай заселимся, а там посмотрим. Оглядимся пока, разберемся, что тут и как, попытаем счастья, а через пару дней вывезят списки тех, кого взяли на работу на фабрику. Пойдем перекусим чего-нибудь!

Они съели по тарелке жареной рисовой лапши и вернулись. Их соседки крепко спали. Цянь Сяохун и Ли Сыцзян тоже улеглись в кровати и проспали аж до ужина.

Соседки встали, начали греметь тазами и чашками, ходить туда-сюда, шаркая тапочками, в комнате запахло духами и пудрой. У Ли Сыцзян был очень острый, собачий нюх и аллергия на духи, так что она расчихалась. Все три женщины, с которыми они делили комнату, были очень красивыми, на них были надеты красивые ночные рубашки, под которыми угадывались нежные изгибы тел, гибких и ароматных. Когда они умылись и почистили зубы, то пришел посыльный с несколькими пластиковыми пакетами, в которых лежали коробки с едой.

– Вы ели? – обратилась к Цянь Сяохун та красотка, что заговорила с ними самой первой, назовем ее пока что А.

– Мы не голодные, в обед поели, – отмахнулась Цянь Сяохун, а Ли Сыцзян, не моргая, уставилась на одежду и прелестное личико А.

Соседки поужинали быстро, причем ели безо всяких эмоций, словно это было нечто необязательное и привычное. Вторая девушка – назовем ее Б. – убрала со стола и выкинула пустые коробки в мусорное ведро, а третья, В., открыла маленькую сумочку и заставила весь стол баночками и скляночками. Три табуретки придвинули к столу, на них плюхнулись три задницы, и Цянь Сяохун и Ли Сыцзян теперь видели только спины трех прелестниц.

В зеркале отражалась вся комната. Ли Сыцзян сидела на краешке кровати, свесив ноги, наполовину скрытая москитной сеткой. Цянь Сяохун откинулась, прислонившись к изголовью кровати, и смотрела на отражения трех девушек. Каждая, держа в руке маленькое зеркальце, поворачивалась сначала левой щекой, потом правой, наводя маленькое зеркальце, словно лупу, на отдельные фрагменты лица. Они что-то аккуратно втирали, что-то осторожно выщипывали, наносили разные средства, потом легонько похлопывали по коже, издавая звонкие, но нежные звуки.

– Черт, вчера этот старый хрыч так вонял, что меня чуть не стошнило. – Девушка А. щипчиками вырывала волоски вокруг бровей, по одному, словно курица, клюющая рис по зернышку.

– Ты уже от старого хрыча «быка» получила? – Девушка Б. открыла рот и ногтем ковырялась между зубами.

– «Быка»? Странно было бы, если бы старый хрыч достал «быка» до того, как ты с ним того! – сказала девушка С. Она из всех троих была самая крепкая и сейчас укладывала короткие волосы то на прямой, то на косой пробор, чем сама себя несколько нервировала.

– Эй, сестренки, вы такие юные, а в нашем деле обратной дороги нет. Советую вернуться домой, – сказала А.

Она кончиком пальца провела по содержимому маленькой баночки, а потом намазала себе веко, прикрыв глаза, и скользнула взглядом по отражениям Цянь Сяохун и Ли Сыцзян.

«Быка»? «Дело»? Цянь Сяохун недоумевала: о чем вообще речь?

– Эй, давайте-ка умывайтесь и красьтесь, вечером вместе пойдем в «Жемчужину» споем.

– Нам нечем краситься! – Глядя на полное обновление лиц девушек, Ли Сыцзян и сама хотела навести красоту.

– Садись сюда! Я закончила. Теперь переоденусь.

Коротковолосая девушка В. поднялась, скинула ночную рубашку и предстала перед ними голышом. Гордо выпятив грудь, она сначала искала лифчик, потом трусы, ходила туда-сюда по комнате, а ее большие груди свободно покачивались. Ли Сыцзян, которая не видела других девушек голыми, вытаращила глаза и обомлела. Вроде все то же самое, что и у нее, и в то же время совершенно другое, смотришь, и жар приливает к щекам от смущения, а потом и от стыда за собственное несовершенство, больно уж фигура соблазнительная. В итоге Ли Сыцзян открыла рот да так и сидела. Цянь Сяохун легонько толкнула подругу:

– Ну же!

Ли Сыцзян захлопнула рот, из горла вырвался булькающий звук. Она подошла к столику и тупо уставилась на кучу баночек и скляночек.

– Сначала нанеси вот это. У тебя есть другая одежда? – спросила А., передавая Ли Сыцзян тоник для кожи.

– Есть! В сумке! У тебя такие длинные ресницы и такая белая кожа! – Ли Сыцзян прищелкнула языком от восторга.

– А то! Вот нанеси увлажняющий крем, а потом припудрись. – А. словно бы привыкла к выражениям восторга, она сунула Ли Сыцзян пудреницу и продолжила: – Ночью освещение приглушенное, надо краситься поярче, а то будешь бледной, как покойница.

Ли Сыцзян кивнула головой, нанесла слой пудры, посмотрела в зеркало и добавила еще один слой.

– Ли Сыцзян, ты не перестарайся! – хихикнула Цянь Сяохун, поднимаясь с места, и тут заметила на белоснежной руке девушки А. красные точки, явно ожоги от сигарет.

Она в ужасе уставилась на А., но та лишь холодно рассмеялась, вдевая в левое ухо сережку с белой жемчужиной.

– В нашем деле нельзя проявлять подлинных чувств, – сказала А., – если проявишь чувства, то тебе капец.

И снова она употребила сочетание «наше дело». Что это, в конце концов, за дело такое? Вопрос уже вертелся на кончике языка Цянь Сяохун, но девушка проглотила его. Б. красила ногти. Она неестественно оттопырила мизинец и водила кисточкой, напоминавшей кошачий язычок, аккуратно покрывая ногти ярким лаком. Эти острые ноготки вполне могли бы служить орудием самообороны.

Девушка В. перед зеркалом надевала бюстгальтер. Она завела руки за спину, чтобы застегнуть крючок, поправила чашки, повернулась боком и посмотрела на свое отражение, а потом поинтересовалась у Цянь Сяохун:

– А ты чего не накружилась?

На спине В. виднелась огромная темная родинка, словно там сидела бабочка.

– Я за десять минут накружусь.

Цянь Сяохун только что видела грудь В. болтающейся и отвислой, а сейчас в бюстгальтере она стояла торчком. Судя по вышивке, вещь не дешевая.

– Красивый лифчик. Дорогой?

– «Эмбри»³⁰. Сто с лишним юаней.

– Ого! Какой дорогой! – Ли Сыцзян аж подпрыгнула от страха.

– Ты на трусики глянь! Пятьдесят восемь юаней! Хорошо хоть в комнате не холодно! – В. качнула ягодицами, которые не были ничем прикрыты, между ними тянулась тоненькая веревочка, соединенная с кусочком ткани на поясе.

– Ха-ха! Да из одного пионерского галстука³¹ можно две штуки сшить! Вот насмешила! Это все равно что без трусов! – Цянь Сяохун всегда говорила правду в лоб, независимо от того, знакомый перед ней человек или нет.

– Ты знаешь, что такое сексуальность? А вот старые хрычи все любят сексуальность.

В. самовлюбленно взглянула на свой зад в зеркале, затем отвернулась и оделась. Ли Сыцзян накружилась по примеру А., теперь ее маленькие глазки казались чуть побольше, кожа стала белой, на щеках горел яркий румянец. Она распустила волосы и много раз провела по ним щеткой. Ли Сыцзян посмотрела на личико в форме яблочка, отражавшееся в зеркале, и не смогла сдержать воодушевления, блеснувшего в глазах.

– Кстати, вот еще вопрос. Вы девственницы? – на полном серьезе спросила А.

– Были когда-то. – Цянь Сяохун глупо захихикала.

– Ну, тогда нормально. Быстрее переодевайтесь.

Ли Сыцзян достала помятый красный пиджак, А. смерила его взглядом и фыркнула:

– Нельзя такое надевать. Я тебе что-нибудь подберу. – Затем она повернулась к Цянь Сяохун: – А ты что?

Цянь Сяохун расправила плечи:

– Я? Пойду в том, что на мне надето!

2

Вывеска ночного клуба «Жемчужина» переливалась красными и зелеными огнями, издали здание напоминало элегантную женщину, которая идет по деревенской тропинке, а вблизи производило неизгладимое впечатление. Вот только расположен ночной клуб был в каком-то захолустье, автотрасса здесь только-только строилась, непонятно, какой прозорливый начальник приглядел этот участок земли. Цянь Сяохун доводилось бывать в кабаках, но никогда не видела она такого размаха и теперь ощущала себя до жути нищей и жалела, что отказалась от красивой одежды. Ли Сыцзян в белом приталенном пиджаке в свете неоновых фонарей выглядела настоящей красавицей, и Цянь Сяохун прищелкнула от восторга языком:

– Ли Сыцзян, ты отлично выглядишь, правда!

Заодно она провела рукой по пиджаку, ткань была очень приятной на ощупь. Ли Сыцзян понимала, что подруга говорит правду, надула губы и ответила:

– Вот заработаем денег, надо купить красивой одежды.

³⁰ Гонконгский бренд нижнего белья.

³¹ В КНР действует пионерская организация, символом которой является красный галстук.

Это желание появилось у Ли Сыцзян сразу после отъезда из дома, она постоянно твердила об этом, боялась забыть.

– Эй, поторапливайтесь! Если спросят, скажете, что новенькие. Вход бесплатный! – А. призывно мотнула головой.

Официантка на входе открыла тяжелую деревянную дверь, и на них обрушилась, словно рой пчел, оглушительная музыка и барабанный бой. Ли Сыцзян аж подпрыгнула от страха и невольно вцепилась в руку Цянь Сяохун. Кругом мельтешили людские фигуры, лучи света метались по залу, словно разрезвившиеся дети, в полумраке казалось, будто к одежде прилипла вата.

– Ужас-то какой! Как привидения! – Ли Сыцзян в ужасе прикрыла рот ладошкой.

Лиц было не разглядеть, лишь зубы белели в темноте да блестели белки глаз, не различишь, кто где.

– Да не ори ты! Скоро народ начнет горланить песни, если составишь им компанию, сразу будет куча денег, – сказала А.

– Деньги за пение? – переспросила Цянь Сяохун. – Какого черта платить за пение?

– Это тебе гости будут платить!

Когда А. произнесла слово «гости», то Цянь Сяохун снова опешила. С момента их знакомства А. постоянно приводила Цянь Сяохун в замешательство: то какие-то «быки», то «дело», а теперь еще и «гости», только и говорит, что на жаргоне. За пение платить не надо, наоборот, тебе платят, веселишься да еще и деньги получаешь? Где это видано? Ладно, будем действовать по ситуации, все должно проясниться.

Цянь Сяохун оглядела зал. Людей становилось все больше, они постепенно заполняли все свободные места. Мужчины приглашали девушек подсесть к ним, обвивая руки вокруг их талий, словно змеи, будто давно знакомая компания, причем дурная. Несколько парочек спустились на танцпол, не наобжимавшись вдоволь за столом. Они стояли, прильнув друг к другу, и раскачивались в собственном ритме. У Ли Сыцзян вспотели ладошки, ее даже дрожь охватила.

– Ты замерзла? – спросила Цянь Сяохун.

– Не, боюсь, что меня пригласят танцевать, а я ж не умею.

– Да разве это танцы? Просто обжимания!

Какой-то парень увел от них А. и Б. А. успела перед уходом шепнуть Цянь Сяохун:

– Когда споешь, пусть гость тебе заплатит чаевые.

Цянь Сяохун тут смекнула, что это за «гость» имелся в виду. Вскоре увели и В. Ли Сыцзян напряженно прижалась к подружке:

– Если придется петь, то будем петь вместе, не нужно разделяться.

– Хорошо, Ли Сыцзян.

– Девушки, кого-то ждете? – любезно поинтересовался высокий парень.

Цянь Сяохун мотнула головой, Ли Сыцзян тоже мотнула головой, а потом они вслед за парнем вошли в отдельный кабинет. На диване сидел, раскинув короткие ножки, еще один мужик и пьяным голосом горланил песню. Высокий посадил Ли Сыцзян к Коротышке. Тот воскликнул:

– Босс, а ты молодец, себе вон сисястую отхватил.

– Я развлекусь и поменяюсь.

Они говорили на кантонском диалекте, так что девушки ничего не поняли.

– Милашки, вы понимаете кантонский? – спросил на путунхуа Высокий. На его подборке виднелось родимое пятно, из которого рос пучок волосков.

– Нет, – ответила Цянь Сяохун, не сводя глаз с этих волосков.

– Первый раз здесь?

– А вы откуда знаете?

– Не видел вас раньше. Давно в Шэньчжэне?

– Да всего несколько дней, – выпалила Ли Сыцзян, не дав Цянь Сяохун ответить.

– Давай-ка выбери, что хочешь петь. – Высокий сунул Цянь Сяохун список песен, зажег сигарету и о чем-то перебросился парой фраз с Коротышкой.

Ли Сыцзян выбрала песню «Детство», а Цянь Сяохун полистала-полистала, но не нашла подходящей.

– Милашки, мы вас приглашаем попить чаю, – с этими словами Высокий затушил бычок.

– И перекусить. – Коротышка одернул помятые брюки.

– Чаю? Разве здесь не дают чай?

– Я имел в виду другое место, выпьем чаю со сладостями.

– Где?

– Недалеко. Пойдемте!

Девушки забрались в микроавтобус, а Коротышка крутил руль и всматривался вдаль. Минут через десять микроавтобус остановился, но никакого ресторана не было, вокруг по-прежнему какая-то пустошь.

– Где мы? Что вы собираетесь делать? – Внезапно Цянь Сяохун поняла, что их обманули, и в голосе за звучали злость и страх.

– Что делать? Так это же очевидно? Сэкономим на номере в гостинице и отдадим эти деньги вам. – Высокий гнусно хихикнул, его голос дрожал от похоти.

Он не мог дальше ждать, так что выволок Цянь Сяохун из микроавтобуса и с грохотом закрыл дверь, а в это время Коротышка схватил и удерживал Ли Сыцзян так, что она и пошевелиться не могла.

– Сучка, ты мне дашь или нет? – Высокий прижал Цянь Сяохун к задней части микроавтобуса.

– Нет! Я закричу! – сопротивлялась девушка.

– Кричи! Хоть изорись вся, а толку?

Цянь Сяохун озиралась по сторонам, но не увидела ни огонька.

– Отпустите нас! Не нужны нам никакие чаевые!

Но чем сильнее она сопротивлялась, тем грубее становился натиск Высокого.

– Вонючая шлюха! Только не говори мне, что ты не торгуешь собой!

Высокий припер ее коленом и грубо сунул пальцы ей под мышки, отчего руки девушки тут же безвольно повисли. Высокий одной рукой принялся рвать на Цянь Сяохун брюки, тут к девушке вернулись силы, и она снова стала сопротивляться.

– Еще будешь рыпаться, и я тебя порежу!

Ее сопротивление лишь усиливало его возбуждение, Высокий совсем потерял голову и чудовищно рычал. Пока Цянь Сяохун боролась с Высоким, микроавтобус вдруг начал трястись, сначала просто трястись, а через некоторое время ритмично, раскачиваясь вверх-вниз. Эта тряска тоже усилила возбуждение Высокого, он изо всех сил схватил ее за подмышки, и девушка лишилась возможности защищаться, почувствовав, как кружится голова, а тело обмякло. Высокий ослабил хватку, решив, что можно приниматься за дело. Но Цянь Сяохун в мгновение ока пришла в себе, к ней вернулись силы, а в мозгу всплывали страшные картины: он сначала надругается над ней, а потом убьет, ну, или наоборот. Если в нем осталась хоть капля человечности, то она сумеет спастись. Цянь Сяохун задрожала всем телом и, плача навзрыд, взмолилась:

– Отпустите меня, я перед вами на колени встану!

Она шлепнулась перед Высоким на колени.

– Отпусти ее. Бери меня!

Дверь микроавтобуса раскрылась, мелькнул белый пиджак, а из горла Ли Сыцзян вырвался странный звук.

3

Микроавтобус, покачиваясь из стороны в сторону, тронулся, задние огни в ночной темноте казались красными, как кровь. Высокий, стоя над коленопреклоненной Цянь Сяохун, наконец отстал от нее и, перебирая ногами, как краб, запрыгнул в микроавтобус, оставив девушек посреди темного пустыря. Цянь Сяохун осела на землю, у нее ужасно болели подмышки. Ли Сыцзян молча стояла рядом, а потом вдруг присела на корточки рядом с Цянь Сяохун и тихонько заплакала.

– Ли Сыцзян, ты не пострадала?

– Я... я не хотела этого делать, а он угрожал ножом, заставил снять одежду и занимался этим, приставив нож мне к горлу, а когда все кончилось, все равно не опускал но-о-о-ож...

Оказывается, пока микроавтобус хаотично дергался, это Ли Сыцзян сопротивлялась, а потом, когда он начал ритмично раскачиваться, это Коротышка насильовал Ли Сыцзян.

– Ли Сыцзян, хорошо, что ты пришла мне на выручку, у меня вообще силы кончились, ноги стали как ватные, я очень боялась, что он и впрямь убьет меня.

– Сяохун, пошли обратно. Глянь, вон какие-то огни. Мне кажется, это тот ночной клуб. – Ли Сыцзян вытерла слезы.

– Угу, пошли. – Цянь Сяохун поднялась и встряхнула руками. – Действительно близко. Почему я только сейчас увидела?! Я была очень напугана, даже кричать не отважилась. Черт, этот козел так больно в меня вцепился. Проклинаю его предков до восемнадцатого колена! Слушай, Ли Сыцзян, а под мышками есть какая-то точка для иглоукалывания? Почему он как меня схватил, так у меня голова закружилась?

– Я не знаю...

– А этот тип тебе денег дал?

– Ага. Одну бумажку, не знаю, что за банкнота.

– Ну хоть что-то.

– Ой! Сяохун, глянь, что-то там такое черное...

– Где?! Ты по сторонам не глазей, мы вроде как уже к дороге подошли. Вон машины ездят!

– Ага, в следующий раз никому верить не будем! И так сегодня чуть жизни не лишились. Девушки держались за руки, а голоса их немного дрожали.

– Ой! Вы что, номер снимали, что так поздно возвращаетесь? Уже три часа! – А. в ночной рубашке курила перед зеркалом, с шипением выпуская струйки дыма. Она смыла весь макияж и теперь казалась бледноватой.

– А остальные где? – Цянь Сяохун поняла, что в комнате только одна А.

– Еще не вернулись. Решили провести ночь с гостями. А с вами что такое?

– Да все хреново, чуть не изнасиловали и едва не прикончили! – Цянь Сяохун уселась на край кровати и внезапно ощутила, что у нее еще и лобок болит, то место, куда упиралась коленка Высокого.

– Вам, считай, еще повезло, несколько дней назад в лесу обнаружили труп девушки, которую перед смертью изнасиловали.

Выражение лица А. оставалось бесстрастным, она указательным пальцем легонько стряхнула пепел. В стеклянной пепельнице высилась целая куча окурков. – Забыла предупредить: если вдруг решите пойти в номер, так номера прямо в «Жемчужине» наверху, я просто не знала, что вы в первый же вечер пойдете с гостем в номер. Куда, кстати? Вдвоем с одним гостем? «Быка» – то получили?

– Да какое там! Мать его, этот тип пригласил поужинать, а потом увез черт-те куда, заявил, что мы проститутки, мы сказали, что не занимаемся таким и не нужны нам никакие

чаевые, тогда он попытался взять меня силой, чуть коленкой не проткнул. – Цянь Сяохун разволновалась, и грудь заходила ходуном.

– Так вы что, не занимаетесь «этим делом»? Зачем тогда здесь поселились? – А. удивилась, сжимая окурки. – Говорю вам, домой езжайте. Пойдешь по этой дорожке – трудно воротиться.

– Я не понимаю, о чем ты! Хозяйка зазывала постояльцев, вдобавок дешево, вот мы и поселились.

– Большезада? Так она сутенерша! Когда вы входите в «дело», так она от заработанных денег имеет долю.

– А если здесь не жить, то никак что ли? – Ли Сыцзян высунула голову из-за москитной сетки, уставившись на А. полными любопытства глазками.

– Если не через нее, а сама по себе, то работы не будет. В этом ночном клубе гости довольно щедрые. Споешь с ними, позволишь себя пару раз пощупать – вот уже и больше сотни, а если проведешь ночь, то можно получить «быка».

– Что еще за «бык»? – Этот вопрос мучил Цянь Сяохун уже долго.

– Тысяча гонконгских долларов³², но это если клиент при деньгах, щедрый и ты ему понравилась.

– Тысячу?

Ли Сыцзян вытащила банкноту, которую сунул ей Коротышка: какая-то красная бумажка, диковинная. Она протянула деньги А.

– Посмотри, а это что за деньги?

– Как раз-таки гонконгские доллары. Сотня, – издала определила А.

– А зачем они нужны? – недоумевала Ли Сыцзян.

– Ну, их можно поменять на юани по курсу одна сотня к ста десяти юаням, так что, если попался мужик из Гонконга, считай, повезло.

– То есть в месяц несколько тысяч выходит?

– Почти что.

– Ого! – Ли Сыцзян напоминала студента, которого внезапно осенило верное решение.

– Но если каждый день этим заниматься, там... внизу... ничего не запаршивает? – в лоб спросила Цянь Сяохун.

– Ну, каждый день, разумеется, не станешь. В неделю три-четыре раза и только с резинкой. У нас тут была девушка, которая деньги маме отправляла на лечение, так вот она за ночь обслуживала по два-три человека, прошло месяца два, а она уже стала разваливаться на части, приобрела кучу болячек, уехала домой подлечиться, да так и не вернулась, не знаю, что с ней стало. – А. вздохнула и внезапно словно бы состарилась.

– Ты такая красивая, зачем надо заниматься про... ну, этим делом? – на ходу поправила Цянь Сяохун, заменив «проституцию» сочетанием «это дело» из суеверных соображений. Так звучит как вполне законная деятельность.

– Ты все равно не поймешь. – А. бросила взгляд на Цянь Сяохун, но даже не собиралась объяснять.

Снаружи зацокали высокие каблуки, и в комнату ворвалась Б.: одежда в беспорядке, белье застегнуто кое-как, волосы всклокочены. Она задыхалась от бега.

– Черт! Полицейские устроили рейд! Опасно! Причем так внезапно. Хозяин ночного клуба даже не получил предупреждения.

Б. схватила пластиковый стаканчик и принялась жадно пить большими глотками.

А. звонко расхохоталась:

³² На банкнотах номиналом 500 гонконгских долларов образца 1909 года был нарисован бык; до сих пор купюру в пятьсот долларов называют «тучным быком», а в тысячу – «золотым быком».

– Опять из-за тебя полицейские недополучат две тысячи. Твою ж мать! Когда они снимают форму, так сразу наши клиенты, а когда они не нуждаются в нашей компании, то ловят нас ради наживы, еще и гостей пугают.

– Я не видела, чтобы В. выходила оттуда, ее наверняка схватили. – Радостное ликование стерлось с лица Б., уступив место хмурому выражению.

Лицо А. тут же застыло, она продолжила:

– Черт! Вот козлы! Разве это все не для денег? Ловят и отпускают, отпускают и снова ловят, а за раз стригут по две тыщи, мать их, прямо-таки денежное дерево посадили! Ты видела когда-нибудь, чтобы кого-то из клиентов хватали? Если запретить наше «дело», так для начала надо отрезать яйца всем мужикам! – А. в сердцах выругалась, потом зажгла сигарету и, держа сигарету в зубах, открыла сумочку, достала черный кошелек и молча пересчитала деньги. – Не хватает шести сотен. Надо собрать. Если к утру В. не вернется, то пойдем в участок выкупать ее.

4

– Сяохун, давай домой поедem, а? Тут такой хаос!

Кровать со скрипом раскачивалась, когда Ли Сыцзян залезла на койку Цянь Сяохун, ища утешения. Ее голос дребезжал от волнения. Шум с завода был слышен сутки напролет, так что даже ночью не было покоя. Всем пятерым обитателям комнаты, кроме А., пришлось несладко. Б. чуть не заграбастали, В. вообще исчезла в неизвестном направлении. А. заполнила пепельницу окурками, а комнату дымом.

– Не ночь, а черт-те что! – Цянь Сяохун потянулась, потом слегка помассировала лобок. – Как больно! Вернемся?

– Ну да! Вернемся!

– Да? Это все равно что дать мужику бесплатно! И что? Приедешь домой с тремя тысячами юаней и станешь хозяйкой салона? За три дня заработала три тысячи и правда хочешь спустить их? – с раздражением спросила Цянь Сяохун, стараясь не повышать голоса.

Б. заворочалась на кровати. А. легла, потом снова встала, в полумраке снова вспыхнул красный огонек. Она сделала глубокую затяжку, потом выпустила струю дыма, за этим последовала небольшая пауза и еще одна глубокая затяжка. От сигаретного дыма Ли Сыцзян закашлялась и не могла говорить, а лишь смотрела через москитную сетку на тусклый красный огонек. И тут кто-то громко высморкался, непонятно кто, А. или Б., зашуршала туалетная бумага, тихонько, чтобы никто не услышал.

– А что ты предлагаешь делать?

– Давай завтра обойдем все парикмахерские, может, где-то нужны сотрудники. Денег не попросим, будем работать за еду, лишь бы гарантировали нам жизнь. Мне кажется, ситуация рано или поздно изменится, – процедила Цянь Сяохун сквозь зубы.

Ли Сыцзян вздохнула, а потом погладила живот.

– Сяохун, слушай, а если я залетела? Что делать? Рожать?

– Ага, родится поросенок! Уродец, – такими окольными путями Цянь Сяохун крыла главу поселения.

– Ой, тогда не буду рожать! Страшно-то как.

– Тогда придется идти в больницу на выскабливание!

– Выскабливание?! Это больно?

– Адская боль. В прошлом году муж сестры меня возил на выскабливание. Больно было так, что я вся взмокла, голова кружилась, а потом врач воткнул мне иголку в руку и я перестала соображать. А еще на мне тренировались студенты, полдня возились, я даже сейчас боюсь вида ножниц и ножей из нержавеющей стали.

– А как делали? Живот разрезали?

– Не-а, как-то снизу подбирались. Доставали кусок мяса из меня ножами и ножницами. Ли Сыцзян цокнула языком, а потом издала протяжный вздох от ужаса.

– Вот поэтому, Ли Сыцзян, надо надевать резинку. Ты знаешь, как считать опасные дни? Подушка пару раз колыхнулась, когда Ли Сыцзян мотала головой.

– Знаешь?

Снова колыхнулась.

– Нет.

Цянь Сяохун научила Ли Сыцзян, как высчитывать. Непонятно, откуда она сама научилась. Ли Сыцзян не понимала, и тогда Цянь Сяохун ущипнула ее:

– В общем, запомни: безопасное время – неделя до и неделя после этих дней.

– А! Слушай, а ты откуда столько всего знаешь?

– Захотела и узнала. Что-то я устала, давай спать.

Ли Сыцзян почувствовала, как огромная грудь Цянь Сяохун прижалась к ее телу, словно резиновые грелки, которые у нее дома клали зимой в постель, теплые-теплые, мягкие-мягкие. Она не выдержала и снова ощупала свою грудь. Сегодня это уже были даже не мандарины, а корочки от мандаринов. Ли Сыцзян, сама не понимая, зачем она это делает, сунула руки под одежду подруги. В тот раз, дома, Цянь Сяохун сама схватила ее руку и заставила пощупать свою грудь, чтобы оценить размеры, но в этот раз все было иначе. Ли Сыцзян и сама не знала, почему так, но ужасно хотела потрогать грудь Цянь Сяохун. Цянь Сяохун слегка изменила позу, подставив одну грудь, то ли специально подалась навстречу, то ли просто дернулась во сне. Ее плоть была очень гладкой, томно-расслабленной, но при этом крепкой и упругой. Цянь Сяохун перевернулась, и вторая грудь легла в руку Ли Сыцзян, та сжала дыни, а Цянь Сяохун потеряла травмированный лобок, и девушка застонала от боли – Высокий слишком сильно нажимал сюда коленом.

5

Это был промышленный район, каждый день утром люди ползли сюда на работу словно муравьи, стекаясь непонятно откуда, и вечером разбегались с работы. Кругом стояли столы для настольного тенниса, сыграть партию стоило два мао³³. Рядом с магазинами стояли пластиковые стулья и столы, загроможденные пустыми бутылками из-под колы и соевого молока, усыпанные хлебными крошками и скорлупками от арахиса. Перед дверями парикмахерских крутились, переливаясь всеми цветами радуги, рекламные щиты, бесчисленные полотенца сушились на солнце, сразу видно, что дела идут хорошо.

– Ой, Сыцзян, глянь-ка, парикмахерской «Агент 007» требуются мойщицы.

В начале одиннадцатого девушки начали обход окрестных парикмахерских. Они обходили все заведения подряд, ни одного не пропуская, и с трудом нашли бумажное объявление.

– Здравствуйте, мы хотим наняться к вам на работу. – Цянь Сяохун улыбалась так же ярко, как солнце светило снаружи, у собеседницы в глазах зарябило.

– Сестричка, ты откуда? – Коротко стриженная женщина средних лет смотрела на нее с довольным видом.

Ли Сыцзян боялась ляпнуть что-то не то, поэтому она молчала и жалась к плечу подруги.

– Тетушка, мы из Хунани. Уже работали в парикмахерской, – Цянь Сяохун решила быть честной, видя, что хозяйка салона – женщина бесхитростная.

– Лица-то мыть умеете?

Золотые сережки в ушах хозяйки качнулись, а губы то вытягивались в трубочку, то расслаблялись, то и дело обнажая зубы и придавая женщине сходство с большой гориллой.

³³ Денежная единица, равная 0,1 юаня.

Цянь Сяохун решила, что это опять какой-то жаргон, и смущенно ответила, что они только этим день-деньской и занимались. Женщина широко улыбнулась, обнажая уже десны, при этом выражение лица ее было даже более безобразным, чем если бы она плакала, и сказала:

– Я имела в виду массаж лица. Длится чуть больше десяти минут. Надо нанести молочко для очистки лица, а потом вот так и так массировать. – Она показала на себе.

– Это просто. – Цянь Сяохун закатала рукава, выпятила вперед грудь. – Я потренируюсь разик на ней, а она на мне, и научимся.

– В девять утра начинаете, в два часа ночи заканчиваете. В месяц четыреста юаней. Едой и жильем я вас обеспечиваю. – Женщина спрятала зубы, а потом захлопнула рот, словно с трудом сдерживалась, чтобы не засмеяться.

Цянь Сяохун и Ли Сыцзян быстро переглянулись, стараясь не выдать своего счастья, но задыхались от радости так, что даже глаза выпучили. Они тут же поспешили в гостевой дом.

В. уже выкупили из участка. Судя по всему, заключение под стражу стало для девушек обычным делом, они не рассматривали случившееся как удар, а по-прежнему весело болтали и перешучивались, только ругались сегодня больше обычного. Цянь Сяохун и Ли Сыцзян поспешно поблагодарили девиц А., Б. и В., простились, взяли потрепанные сумки и направились напрямиком в салон «Агент 007».

Часть четвертая СНОВА СТАТЬ «ФЭН ФУ»³⁴

1

Цянь Сяохун и Ли Сыцзян между собой прозвали хозяйку Гориллой. Салон назывался «Агент 007», потому что мужа хозяйки звали Чжань Шибан, и это звучало похоже на китайскую версию имени Джеймса Бонда. И сама Горилла, и ее «Джеймс Бонд» принадлежали к народности хакка³⁵. Это были довольно добродушные люди, их дочь, одного возраста с Цянь Сяохун и Ли Сыцзян, заканчивала школу. Как ни странно, но у них еще был пятилетний сын, видимо, родившийся по недосмотру. Разумеется, это особо Цянь Сяохун и Ли Сыцзян не касалось.

– А-Цин, А-Лин, вот вам новые подружки, девочки, живите дружно! – Горилла взмахнула длинными руками, похожими на обезьяньи лапы, а потом подхватила этими натруженными руками корзины для овощей и отправилась на рынок.

– Хозяйка – очень хорошая тетка.

А-Цин приехала из Гуанси-Чжуанского автономного района, белокожая, но с целой кучей прыщей, а говорила она, томно растягивая звуки. А-Лин примерно двадцать два или двадцать три, довольно хорошенькая. Поскольку она еще и стричь умела, то зарабатывала больше обычных мойщиц, себя им ровней не считала и улыбалась всегда натянуто. К А-Лин постоянно навещался один тайваньский дедуля. В любой парикмахерской есть массажный кабинет, и салон «Агент 007» не стал исключением. Мыть голову тайваньцу мог кто угодно, а вот массаж он просил делать исключительно А-Лин, они запирались в массажном кабинете и подолгу не выходили.

– У этого тайваньского деда полно денег, он хочет А-Лин, но не хочет ее содержать, скупердяй! Работать на тайваньца не то что на гонконгца, зарплата куда меньше! – Когда А-Цин говорила, то все ее прыщики весело подпрыгивали. – А-Цин мечтает найти себе мужика, чтоб ее содержал. Дел в салоне не особо много, если входит очередная «голова», то надо ее помыть, а потом сделать массаж лица и тела, причем все размеренно, никто вас поторапливать не будет. Наши клиенты, как говорится, с виду люди, а ведут себя как собаки³⁶, так что лучше подольше делать массаж лица, – говорила А-Цин, как человек бывалый.

– А ты давно приехала? – спросила Цянь Сяохун.

– Два года, – растягивая слоги, ответила А-Цин.

– Два года?

– Ага. Я тоже умею стричь, но не так хорошо, как А-Лин, так что зарплата у меня поменьше, чем у нее, но побольше вашей.

А-Цин рассмеялась, ее зубы напоминали разбухшие в воде рисинки.

– А-Хун, А-Цзян, вы постепенно войдете в курс дела. Но мне все равно кажется: в парикмахерской работать ужасно скучно. Но не на завод же идти, там устаешь сильно, работать нужно посменно, общежитие и еда ужасные, да и зарплата маленькая, – сообщила она кокетливым тоном.

³⁴ Образно о человеке, не умеющем блюсти свое достоинство: Фэн Фу, в прошлом ловец тигров, став большим чиновником, однажды не удержался и поддался старым привычкам, бросившись ловить тигра.

³⁵ Многочисленная субэтническая группа китайцев, проживающих преимущественно на юго-востоке Китая.

³⁶ Образное выражение, означающее, что внешний облик или поведение не соответствует действительности.

– А-Цин, научи нас делать массаж лица, – попросила Ли Сыцзян.

А-Цин посмотрела на них в зеркало, затем похлопала по креслу:

– Давайте садитесь кто-нибудь.

Ли Сыцзян плюхнулась в кресло, А-Цин повязала ей сухое полотенце на шею, а второе плотно обернула вокруг головы, выдавила из тюбика какое-то средство и намазала Ли Сыцзян на лицо.

– Это очищающее молочко для лица, очень хорошо удаляет грязь, но некоторым клиентам не нравится, – вяло рассказывала А-Цин, аккуратно втирая средство, а Ли Сыцзян почувствовала, как лицу стало холодно. Пальцы А-Цин скользили по коже, словно бы соскабливая это самое молочко. – Смотрите, как нужно! Нанести на все лицо, но следить, чтоб в глаза не попало. Особое внимание уделить так называемому треугольнику.

– Треугольнику? – переспросила Цянь Сяохун.

А-Цин провела пальцами линию от крыльев носа к уголкам губ.

– Вот эта область довольно грязная.

Цянь Сяохун хихикнула, а потом попросилась попробовать, но стоило ей начать, как Ли Сыцзян воскликнула:

– Ты ногтями-то не скреби!

– Сама решила подставить лицо на опыты. Ты что думаешь, я процессом наслаждаюсь что ли?! Ты еще пока у нас не хозяйка салона! – Цянь Сяохун хлопнула подругу по щеке.

– У А-Цин ногти не такие, только что мне было очень приятно! Неудивительно, что все жаждут попасть на массаж лица, я даже не знала, что будет так здорово!

– А-Цин, сделай-ка мне массаж лица! О, две новенькие?

В салон вошел какой-то парень, его лицо было смуглым, словно каштан, в руках он держал мотоциклетный шлем и щеголял в таких потертых джинсах, что штанины местами побелели.

– О, Малыш³⁷ Кунь пожаловал! Это А-Хун, а это А-Цзян, какую выбираешь? – А-Цин явно была хорошо знакома с ним и ворковала, как содержательница борделя.

– Все равно! – Кунь уселся в кресло и протянул расческу.

– А-Цзян, тогда давай ты, малыш Кунь хороший человек.

Кунь и впрямь оказался приятным человеком, стоило Ли Сыцзян встать у него за спиной, он глянул украдкой на девушку в зеркало и тут же прикрыл глаза и откинул голову. Ли Сыцзян, копируя движения А-Цин, обернула вокруг его шеи полотенце, нанесла очищающее молочко и принялась втирать его, как жидкую грязь. У Куня все лицо было в мелких прыщиках, как кожа у жабы, и внутри у девушки все переворачивалось. Ей приходилось упираться парню грудью в затылок, чтобы удобнее было работать, и голова Малыша Куня больно давила Ли Сыцзян на грудь.

– Кунь, ты все так же с утра до ночи ловишь всяких злодеев? – А-Цин уселась на табуретку.

– А то! К концу года еще больше краж да грабежей, все хотят стурить денег да отметить Новый год. – У Куня рот не открывался целиком, поэтому дикция была нечеткой.

– Кунь, а ты чем занимаешься? – поинтересовалась Ли Сыцзян.

– Работаю в поселковом отряде по охране правопорядка.

– А это что, поселок? Тут же полно заводов, домов, разве в поселках не должно быть полей?

³⁷ В окрестностях Гонконга зачастую к именам и фамилиям прибавляют конечный компонент существительных со значением «детеныш», «малыш», распространенный в южных диалектах и в данном случае не имеющий оттенка пренебрежительности.

– Какие поля? Все давно застроили! Крестьянам ежегодно выплачивают компенсацию за использование земли, кто захочет поля засеять?

Ли Сыцзян выпучила свои маленькие глазки. Внезапно ей показалось, что прыщи под пальцами не такие уж страшные, в них есть даже что-то симпатичное, и продолжила делать массаж с чувством, кропотливее и нежнее. Когда Малыш Кунь уходил, то лицо его уже не напоминало каштан.

Вечером девушки устроились спать в массажном кабинете – это была комната с маленьким окошком, где стояла двухэтажная кровать и воздух был весьма затхлым.

– Ой, Сяохун, чем это пахнет? – У Ли Сыцзян было острое чутье на необычные запахи.

– Ли Сыцзян, ты в прошлой жизни точно была собакой... Да, воздух тут не ахти... Ой! Это же спермой пахнет!

2

А-Лин плакала в массажном кабинете. Ее всхлипывания напоминали стоны во время постельных утех. Из ее горла вырывался прерывистый булькающий звук. У людей зачастую выражение боли и удовольствия подменяют друг друга, к примеру, от счастья льют слезы, а в минуты печали истерично смеются. В одном фильме есть кадр, когда мужчина ублажает женщину, та хмурится, мужчина ошарашенно останавливается и спрашивает, хорошо ей или плохо. Женщина говорит: «Быстрее давай, а то так хорошо, что даже нестерпимо». Здесь нет противоречия, все в нашем теле взаимосвязано, сильная радость может сделать больно, а за чередой неприятностей следует покой. Хорошо А-Лин или плохо, никто не знал, но одно было ясно: тайваньский дедушка изо всех сил старался, несмотря на всю беспомощность, он не мог прочесть, что там в голове у молоденькой девушки, и не мог удовлетворить ее сексуальных желаний. Он долго-долго пытался, но не мог ее насытить. А-Лин же просто не хотела работать в парикмахерской, ждала, чтобы дедуля дал ей кругленькую сумму, чтобы открыть кафе. Дедуля наряжался в одежду кричащих цветов, придавая своим присутствием пышности салону, а говорил он, шамкая губами. Стоило ему прийти, как А-Цин начинала плутовато хихикать и говорила:

– Этот старикан как кот, которому не сцапать свежую рыбку. У него не получается довести дело до конца, только понюхал рыбину – и уже сыт.

– Да и хорошо, что не может, у него уже старческие пятна повсюду, с ним спать, наверное, отвратно! – Цянь Сяохун хихикнула, причесывая перед зеркалом осветленные волосы.

– Ли Сыцзян, смотри, чтоб молочко не попало Куню в глаза.

Ли Сыцзян теперь постоянно делала массаж Куню, и они подружились. В свободное от работы время Кунь, или Малыш Кунь, как его все называли, катал Ли Сыцзян, покупал ей что-нибудь вкусненькое. Ее грудь и его затылок уже давно слились в одно целое, личико-яблочко перестало краснеть, девушка осмелела, стала более разговорчивой. Ли Сыцзян нравилось делать ему массаж лица, Куню нравилось сидеть, упершись ей в грудь, и сеансы массажа становились все длиннее и длиннее. А-Цин была девушкой понимающей, знала, когда говорить, а когда лучше промолчать. Когда она молчала, то выражение лица у нее было очень подавленным, словно увядшие листья плавали по поверхности воды. О чем она думала, никто не знал. Однажды после массажа лица Малыш Кунь внезапно сказал:

– Ночью вора ловил, все тело ломит, сделай мне массаж.

А-Цин только дернулась, как Кунь и А-Цзян уже вошли друг за другом в массажный кабинет. В тот момент Цянь Сяохун мыла клиенту голову и в зеркало увидела, как А-Цин смутилась, но тут же проворно развернулась и пошла в туалет.

– А-Цзян, сколько у тебя братьев-сестер? – спросил Кунь.

– Три сестры. Я самая старшая.

Кунь улегся на живот. Ли Сыцзян не умела делать массаж, так что стала просто щипать его за плечи и колотить без разбору по спине. Кунь не жаловался, сосредоточившись на разговоре. После «массажа» спины Кунь перевернулся, Ли Сыцзян сразу и не сообразила, что дальше-то делать. Тут парень схватил ее за руку и произнес:

– А-Цзян, ты мне нравишься.

Ли Сыцзян впервые услышала такие слова от мужчины, ее лицо густо покраснело, губы задвигались, сдерживая ответное «ты мне тоже», хотя слова поднимались внутри, словно волна удовольствия, и едва не слетели с губ, но почему-то она их проглотила.

– А-Цзян, я ведь тебе тоже нравлюсь?

Ли Сыцзян торопливо закивала и начала щипать и мять его руки. Кунь сказал, что у него ноют ноги, и попросил массировать бедра. Ли Сыцзян принялась разминать внутреннюю сторону бедер, и тут Кунь приподнялся и спросил:

– А-Цзян, ты девственница?

Ли Сыцзян опешила, ее лицо тут же погрустнело.

– А-Цзян, я просто так спросил, ты не сердись. Девственница или нет, не важно, я хотел... хотел, чтобы ты меня помассировала... там...

Он говорил со всей серьезностью. А на джинсах тем временем наливался бугорок. Кунь резким движением расстегнул молнию, потом схватил девушку за руку и сунул ее в ширинку.

3

Обладателем головы, которую мыла Цянь Сяохун, был молодой паренек, он уже приходил сюда несколько раз, работал на заводе по соседству. На груди у него постоянно висела карточка с надписью «Главный инженер, Сы Далин». Ему было около двадцати пяти лет, очень симпатичный, он любил потрепаться с Цянь Сяохун. Девушка называла его «инженером». Она смыла мыльную пену с волос инженера, вытерла голову насухо, потом сделала массаж головы, не осмеливаясь надавливать слишком сильно, можно сказать, погладила. Инженер всегда подавал голову вперед, чтобы не касаться груди Цянь Сяохун, отчего деревенела шея.

– Расслабьтесь, откиньтесь немного назад.

Стоило голове инженера коснуться груди Цянь Сяохун, как он тут же закрыл глаза, словно ее грудь была кнопкой электропереключателя.

– Сы – довольно редкая фамилия³⁸, настоящая?

– Да, у нас в университете был еще один парень с такой фамилией, мы с ним подружились.

– Какой вы культурный! В университетах все студенты такие? – Цянь Сяохун массирила инженеру плечи, а когда руки замерли, то девушка ощутила, что шея стала горячее и пульс на ней бьется как бешеный.

Инженер Сы не ответил, лишь глубоко вздохнул, открыл глаза и уставился прямо перед собой, встретился взглядом с кокетливыми улыбающимися глазами девушки и тут же перевел разговор на другую тему:

– Ты почему не идешь на завод работать? В парикмахерских девушки могут худому научиться.

Они болтали о том и о сем, а на прощание инженер спросил, не хочет ли она сходить на экскурсию на завод. В парикмахерской дел не было, А-Цзин складывала стопочкой чистые полотенца и зажимы для волос, Ли Сыцзян еще не вышла из массажного кабинета, так что Цянь Сяохун предупредила А-Цин, что выйдет ненадолго, но скоро вернется.

Завод, где работал инженер Сы, напоминал сад. Они сделали круг вокруг большой лужайки, вошли в общежитие и поднялись на третий этаж.

³⁸ Китайцы вообще не жалуют слог «сы», поскольку так звучит слово «смерть».

– Пришли.

– Вы живете один?

– Да. Немного не прибрано. Какие книги тебе нравятся? У меня много книг.

Цянь Сяохун тут же подошла к книжной полке и сделала вид, что изучает, потом взяла антологию поэзии эпохи Тан³⁹, покрутила в руках, перевернула туда-сюда и только тогда нашла начало⁴⁰. К счастью, инженер Сы был занят приготовлением чая и не видел этого, а Цянь Сяохун ощутила себя ужасно невежественной.

– Нравится танская поэзия?

– Ага. – Популярны стихи типа «у самой моей постели легла от луны дорожка»⁴¹ Цянь Сяохун все-таки читала, так что ответила уверенно. – А вы откуда родом? – Цянь Сяохун боялась, что инженер заговорит с ней о поэзии, и поспешно сменила тему.

– Из провинции Чжэцзян. После окончания университета сам решил приехать в Шэньчжэнь, поскольку этот город бросает вызов. А-Хун, ты садись.

Цянь Сяохун примостилась на краешке кровати, инженер Сы тоже присел и протянул ей чашку чая. Когда Цянь Сяохун допила чай, то встала, чтобы поставить чашку на место. Молодые люди двигались очень напряженно.

– Хочешь взглянуть на мой фотоальбом?

– Конечно!

Инженер Сы вытащил толстый фотоальбом, даже слишком толстый, и положил его переплетом в щель между своим правым бедром и левым бедром Цянь Сяохун, распределив вес пополам. Теперь правое его плечо прижималось к левому плечу девушки, они напоминали сиамских близнецов с одной рукой на каждого. Правая рука инженера Сы и левая рука Цянь Сяохун не двигались, словно рядовые в ожидании приказа, они ждали, когда появится главнокомандующий любви. Толстый фотоальбом притянул их головы друг к другу, челка Цянь Сяохун касалась кончика носа инженера Сы и легонько колыхалась от его дыхания.

– Вы такой красивый, красивее всех своих однокурсников.

Сердце заколотилось в глотке, перекрывая кислород, в воздухе словно расплыли какое-то одурманивающее средство, отчего у обоих кружилась голова, а сознание постепенно затуманивалось. Цянь Сяохун из последних сил боролась, чтобы пошутить и доказать тем самым себе, что мыслит ясно.

Пальцы его правой руки по очереди нашли пальцы левой руки. Один, второй, третий, четвертый, пятый. Постепенно переместившись, правая рука накрыла левую. Левая едва заметно дернулась, тогда правая тайком применила силу, левая подчинилась, а правая легонько погладила ее. Альбом лежал на бедрах, свободные руки не перелистывали страницы. Левое ухо Цянь Сяохун ощутило дуновение теплого воздуха, язык этого теплого прибора облизал левое ухо, и оно растворилось в нем, а прибор, бурлящий в ухе, хлынул в сторону губ, растерявшиеся губы, сами не понимая, что творят, слегка приоткрылись и даже заставили голову склониться набок, навстречу этому прибору, который добрался до кончиков губ, замер на полсекунды, а потом накрыл губы целиком. Но в этом не было безумия.

– Не хочу обманывать тебя. Прощу прощения, что поддался порыву.

Губы слегка приоткрылись, прилив отступил.

– Ты должна найти работу получше.

Сы Далин уставился на большую грудь Цянь Сяохун.

³⁹ Эпоха Тан считается золотым веком китайской поэзии.

⁴⁰ Книжки по классической литературе могут выходить в том виде, в котором их издавали оригинально, то есть нужно читать книгу, начиная сзади, и двигаться по странице справа налево и сверху вниз.

⁴¹ Перевод А. Гитовича. Строка из стихотворения знаменитого танского поэта Ли Бо «Думы тихой ночью».

4

С женщинами всегда проблемы. Все работницы салона «Агент 007» были не здоровы. Разумеется, речь не о венерических заболеваниях или СПИДе, а о болезнях души, нет, не о сумасшествии, просто каждая из них носила под сердцем свои тревоги, а потому их душевное состояние было немного не таким, как раньше.

А-Лин по-прежнему хотела победить упрямство тайваньского деда и взять приступом эту крепость, чтобы подняться на новую ступеньку. Она постоянно погружалась в свои мысли, а потому работала без усердия. А-Цин жила в постоянной тревоге, и, когда она мыла голову, пена то и дело летела на клиента. Что у нее творилось в душе, никто не ведал. Ли Сыцзян внезапно расцвела, как истинная женщина, и даже двигалась теперь грациозно и изящно. Цянь Сяохун в свободное время листала антологию танской поэзии. Инженер Сы приходил теперь реже, а душа Цянь Сяохун застряла в том дне и в том моменте. Образованные люди – они ведь другие, такой пустяк, а вызвал настоящее бурление чувств. Цянь Сяохун столько раз была с мужчинами, но никогда не испытывала подобного пьянящего чувства. Может, это любовь? Когда инженер Сы потребовал, чтобы Цянь Сяохун нашла себе работу получше, Цянь Сяохун вспомнила, что напрочь забыла о том, что подавала заявление о приеме на фабрику «Счастливая утка».

А сейчас что толку идти узнавать? Цянь Сяохун в сердцах швырнула книгу и сказала:

– Ли Сыцзян, сделай мне массаж, а?

Ли Сыцзян лакомилась вялеными сливами, которые принес Кунь, сосала и грызла их, работая сразу и языком, и губами, терпеливо обсасывала косточку дочиста и только тогда выплевывала ее и совала в рот следующую сливу. Как будто если бы она сделала как-то иначе, то обидела бы Куня. Разумеется, была вероятность, что Ли Сыцзян пробовала на вкус и переваривала свою любовь. Девушка встала за спиной у подруги и начала как попало щипать ее за лицо. Голова Цянь Сяохун коснулась груди Ли Сыцзян, и Цянь Сяохун удивленно воскликнула:

– Ого! Ничего себе, у тебя все налилось! Какой прогресс! Это вяленые сливы так помогают?

Несколько раз в неделю Кунь приезжал на мотоцикле к концу рабочего дня и увозил Ли Сыцзян якобы попить чаю, в итоге чаепитие затягивалось до восьми-девяти утра. Ли Сыцзян легонько шлепнула Цянь Сяохун, а маленькие глазки зажмурились, превратившись в щелочки.

– А сама-то чего несколько дней читаешь книгу? Это тебе инженер Сы дал домашнее задание? Что хорошего в этих танских стихах? Такая толстая книжища! Я раньше и не видела, чтоб книжки с конца начинали читать. А ты, А-Цин? – обратилась она к А-Цин, глядя в зеркало.

А-Цин невесело рассмеялась, а ее прыщи и вовсе помрачнели.

– Сыцзян, некоторые стихи очень даже интересные, хочешь я тебе пару строк прочту?

– Ой, не надо! – Ли Сыцзян с неохотой выплюнула сливовую косточку. – Прибереги чтение для инженера Сы.

– Ли Сыцзян! Не говори мне больше про инженера Сы. Он выпускник университета, а я башки мою! Я не такая дура, чтоб в него влюбиться! – Цянь Сяохун вроде как ругала себя, но послушать, так этот инженер – гнусный тунеядец. При этом левое ухо ее постоянно ощущало тепло, прилив, порыв легкого ветерка. Цянь Сяохун казалось, что левая сторона ее лица с тех пор парализована.

5

В десяти с лишним километрах от салона «Агент 007» находилась гора Фэнхуан, гора Феникса, а на ней – монастырь, где можно возжечь благовония и узнать, что ждет в будущем. Говорили, что если особо ревностно просить, то тебе воздастся. Муж хозяйки разделил сотрудниц салона на две группы и отвез их в этот монастырь. Ли Сыцзян и Цянь Сяохун попали в первую партию, которая поехала на микроавтобусе утром в первый день Нового года. Нужно пару слов сказать о муже хозяйки салона, господине Чжане: низенький и толстый, тонкие губы и узкие глаза, волосы на голове гладко зачесаны назад, с очень невозмутимым лицом. Гора Феникса оказалась не особо высокой, подъем занимал минут сорок, на половине пути господин Чжань возжег благовония, помолился Будде и сходил к местным гадалкам узнать свою судьбу. Вид у него был и впрямь ревностный. Ли Сыцзян тоже зажгла палочку, смущенно поклонилась, вставила палочку в треножник, повернулась и ушла. Цянь Сяохун, выпятив грудь, грелась на солнышке и смотрела на происходящее с натянутой улыбкой.

– А-Хун, ты тоже давай. Загадай желание! – поманил ее господин Чжань.

– Желание? Какое желание?

– Ну, любовь, свадьба, здоровье. Что хочешь, то и попроси.

Сердце Сяохун забилося сильнее, и она вошла в храм, повернувшись спиной к солнцу. На полу были расстелены красные коврики, на которые можно вставать на колени. Разумеется, можно и не вставать, но если не вставать, то о какой набожности может идти речь, а без должной ревностности разве осуществится желание? В душе Цянь Сяохун всплыл прекрасный образ инженера Сы, парализованная левая сторона лица снова ощутила прилив тепла, а ноги сами собой подкосились, и колени коснулись коврика на полу. Второй раз в жизни Цянь Сяохун вставала на колени. Первый раз перед тем высоким насильником, а сейчас перед статуей Будды. Внезапно Цянь Сяохун почувствовала, что встать на колени – это все равно что доверить свою голову кому-то. Она закрыла глаза, простояла на коленях секунд десять, пока струйки дыма поднимались в воздух, трижды поклонилась, воткнула свою палочку, но на душе стало только хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.